

ПИОНЕР 2

1981

СТРОИТЕЛЯМ БАМА — ПИОНЕРСКИЙ САЛЮТ!

23 ФЕВРАЛЯ
В КРЕМЛЕВСКОМ
ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ
ОТКРЫВАЕТСЯ
XXVI СЪЕЗД
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Раим ФАРХАДИ,

лауреат премии
Ленинского комсомола Узбекской ССР

БЫТЬ КОММУНИСТОМ!

Что значит расти коммунистом?
Без устали
к цели идти.
Быть стойким бойцом,
быть горнистом.
Быть другом надежным
в пути!
Что значит расти коммунистом?
Творцом и мечтателем быть.
Служа только помыслам чистым,
Отчизну,
как Ленин,
любить!

Ю. А. ЕСАУЛКОВ,

первый секретарь Тындинского горкома КПСС

БАМ — СТРАНА ПИОНЕРСКАЯ

Дорогие ребята!

Скоро в Кремлевском Дворце съездов начнет свою работу форум коммунистов. Со всех концов страны — с Камчатки и Бреста, Мурманска и Кавказа приедут в столицу нашей Родины делегаты съезда — люди, которые добывают уголь и нефть, строят умные машины, покоряют космос, выращивают хлеб и хлопок. Будут среди делегатов партийного съезда и строители БАМа — магистрали века.

Если спросить вас «Что такое БАМ?», то вы, конечно, ответите: ударная комсомольская стройка, важнейшая железнодорожная магистраль нашей Отчизны. Это верный ответ, но неполный.

Мы строим БАМ ради того, чтобы освоить гигантские богатства Сибири и Дальнего Востока. БАМ даст жизнь огромным пространствам нашей Родины. Уже сейчас здесь создаются производственные комплексы — всего их будет одиннадцать.

А что такое комплекс? Это новые заводы, рудники, новые дороги и новые участки БАМа, это новые города и поселки.

Иногда меня спрашивают пионеры: что главное на БАМе? Я отвечаю: люди. Смелые, отважные, которые своим трудом прокладывают сквозь скалы, болота, тайгу железную дорогу. Это их в конце прошлого года сердечно поздравил товарищ Л. И. Брежнев с досрочным выполнением пятилетки. Уже сейчас идут поезда по линии БАМ — Тында — Беркакит, а ко дню открытия партийного съезда вступит в строй новый участок от города Комсомольска-на-Амуре до станции Березовка, пойдут поезда на запад: от Тынды до таежного поселка Усть-Нюкжа.

БАМ — это край юности и детства. Уже сейчас на БАМе живут и учатся свыше сорока тысяч ребят. На трассе работают десятки школ. Из них тринадцать — новые. В этих школах спортивные и актовые залы, кабинеты, светлые классы. Многие из вас могут позавидовать ребятам из

Мы — пионеры Советской страны!

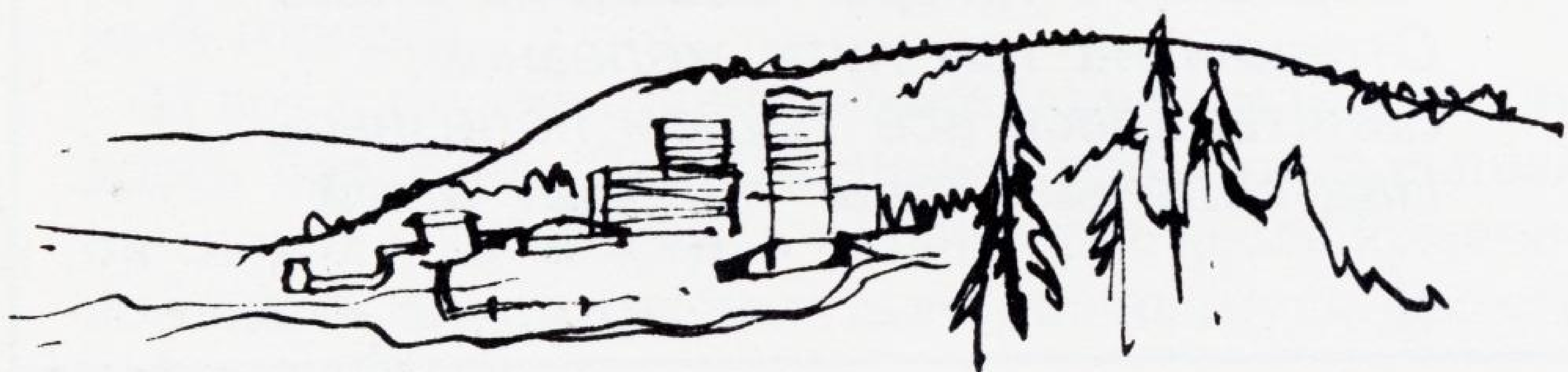

Кувыкты, где открыт единственный на трассе музей космонавтики. Помогли его открыть комсомольцы из московского строительного отряда и космонавт Валентин Витальевич Лебедев. А скоро, я уверен, будет и музей А. П. Гайдара в школе-интернате в Тынде, над которым взял шефство Всесоюзный штаб Тимура при журнале «Пионер».

Бамовские пионеры любят свой край и крепко дружат с рабочими. Почетный строитель Иван Николаевич Варшавский, лауреат премии Ленинского комсомола Владимир Павлович Степанищев очень часто бывают у своих юных друзей, рассказывают о стройке. И мы гордимся тем, что более двух тысяч ребят из семей строителей БАМа поступают в строительные и транспортные институты, чтобы потом продолжить дело старших товарищей.

Дорогие ребята, читатели «Пионера»!

Мы, коммунисты, очень хотим, чтобы вы росли настоящими людьми, любили труд и твердо знали, что в нашей стране самый уважаемый человек — это человек труда. У нас говорят, что БАМ строит вся страна. На стройке можно встретить москвичей, киевлян, свердловчан, воронежцев, горьковчан и многих-многих других. БАМ стал стройкой дружбы! И тем, кто сегодня носит красный галстук и встанет в ряды строителей, закончив школу, хватит работы на БАМе. Очень хочется, чтобы пионеры страны еще крепче подружились с бамовскими пионерами, чтобы эта дружба помогала понять самое главное: все, что делает партия Ленина, она делает для народа, во имя блага народа!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ФЕВРАЛЬ 2

Москва 1981 г.
Издательство «Правда»

Ю. А. ТИТОВ. **«Рельсы идут в Якутию».**

Барот ИСРОИЛ

Беркакит

«Беркакит» — отчаянное имя —
Означает: «сгинуть в дальней дали»;
Тех, кто в это место забредали,
Больше уж не видели живыми.

И якуты часто говорили
Об ужасном, грозном Беркаките:
«Люди, в эти топи не ходите —
Сгинете в гнилом болотном иле!»

Но недавно посреди болота
Появилось вдруг одно селенье —
Появилось всем на удивленье,
Прямо словно сказочное что-то.

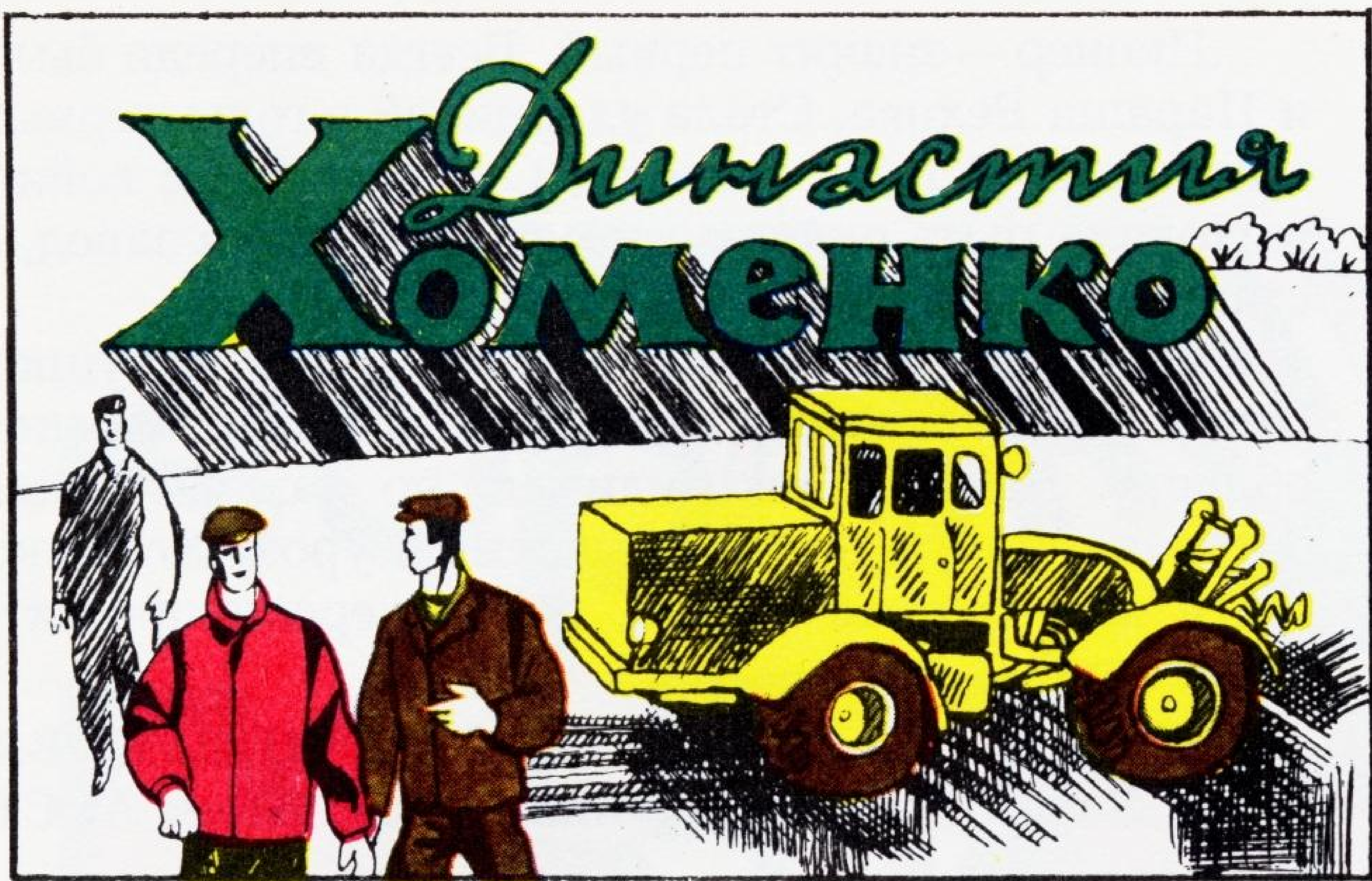
Как богатыри, явились люди,
Встали грудью на лесоповале;
«БАМОВЦЫ» — они себя назвали
И сказали: «Здесь дорога будет!»

Осушить убийственное место
Эти люди дерзостно решили:
По болоту рельсы проложили —
Из особого, знать, были теста!

И якуты на своих оленях
Поглядеть на чудеса примчались,
Паровоза первого дождались —
Это было среди дней весенних.

А зимой морозы тут жестоки:
Минус пятьдесят бывает часто,—
Но «потеет» бамовский участок,
Выполняя все заданья в сроки.

«Беркакит» теперь названьем стало
Станции на том пути железном;
Заняты здесь все трудом полезным,
Над селеньем флаг полощет алый.

Наше село Пустовойтовка очень красивое, особенно весной, когда цветут вишни и хаты утопают в белой пене садов. Но мне оно нравится в любое время года. Само село не очень большое, но колхоз наш «Большевик» — один из самых крупных в Роменском районе: в него, кроме нашей Пустовойтовки, входят Герасимовка, Волковцы, Правдюки и еще несколько небольших деревень и хуторов.

В этом колхозе работал, пока был жив, мой папа Николай Иванович Хоменко. Он умер от старого фронтового ранения. На ферме дояркой работала мама, Екатерина Куприяновна, теперь она уже на пенсии. Мои братья и сестры тоже работают в колхозе. Мария и Люба — доярки, Виктор, Иван, Алексей и Нина — механизаторы.

Самая старшая из нас, Мария, награждена орденом Трудовой Славы. Она пошла работать на ферму в двенадцать лет. В то трудное послевоенное время всюду не хватало рабочих рук. Наш колхоз был разорен фашистскими оккупантами, почти все хозяйство создавали заново.

Нашу семью называют династией хлеборобов. В Пустовойтовке есть еще одна такая же — семья Спиваков.

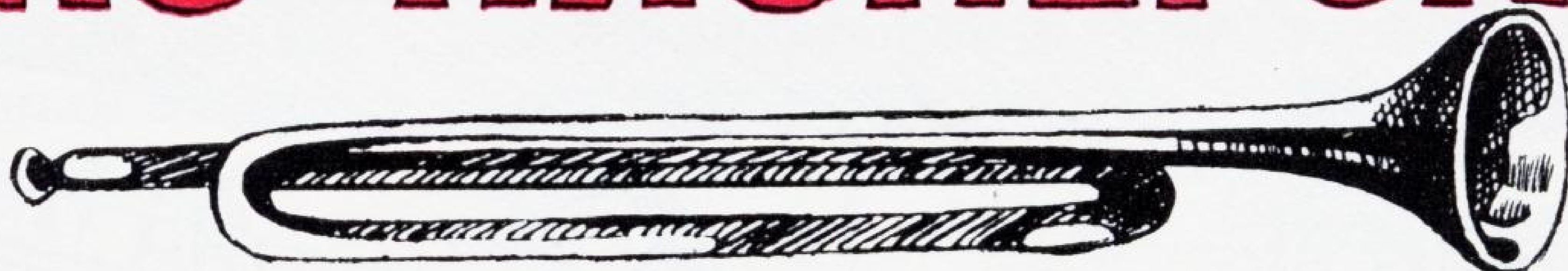
И вот представьте — две эти колхозные династии объединились. Моя сестра Нина, знатная трактористка, ударник коммунистического труда, вышла замуж за тракториста из семьи Спиваков. Сейчас у Нины двое маленьких сынишек, и старший мой племянник очень любит технику. Его просто невозможно стащить с трактора, вцепится и ни за что не хочет слезать. Наверное, тоже станет трактористом.

Весной Нина с мужем начнут вместе работать на новеньком тракторе. Это первый «семейный» трактор в нашем селе.

Я очень люблю свою Пустовойтовку, люблю, проходя по улицам, здороваться со всеми. У нас так принято: даже если незнакомого человека встречают на улице, все равно здороваются. Люблю работать в поле. Ребята из нашей школы каждый год помогают колхозу и урожай собирать, и на сенокосе. Я еще не решила, буду ли я работать на ферме, как мама, Мария и Люба, или стану трактористкой, как Нина и мои старшие братья, но одно знаю твердо — после школы останусь в колхозе.

Вера ХОМЕНКО,
8-й класс, Пустовойтовская средняя школа, Роменский район, Сумская область.

Честно, ПО-ПИОНЕРСКИ

Далеко на Севере, в Архангельской области, есть старинный город Онега.

Революция разбудила маленький, весь деревянный городок.

И вот в глухие ставни однажды ударила звонкая дробь барабана. Первый пионерский отряд вышел на «парад»! Десять мальчишек гордо несли кумачовое знамя, алели красные галстуки на груди. Вместе с мальчишками отбивала шаг единственная девочка — Параша Рехова.

Много забот было у пионеров: они возились с малышами, когда взрослые на работе, помогали старшим вскапывать огороды, сажали сады. А Параше Реховой поручили помогать на курсах ликбеза.

Учителя приходили на занятия после уроков в

школе усталые. Их было мало, а неграмотных — не счесть!

«Мы не рабы...» — говорила девочка, и взрослые повторяли за ней.

«Мы не рабы, рабы не мы!» — писала она мелом на доске.

В 1929 году пионеры выбрали Парашу Рехову своим делегатом на I Всесоюзный пионерский слет.

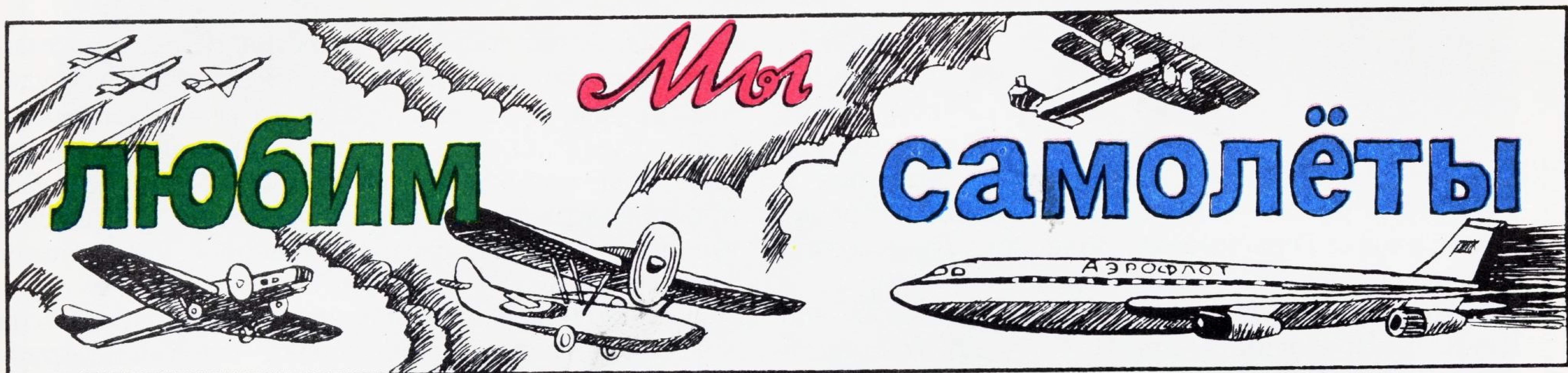
Как самый дорогой подарок привезла Параша домой первую пионерскую песню. И уже на другой день отряд онежских пионеров пел хором:

Взвейтесь кострами, синие ночи!
Мы — пионеры, дети рабочих...

...Пионер — значит первый. Всегда впереди была и Параша Рехова. Стала ударницей в годы первых пятилеток. В годы Великой Отечественной войны выходила рыть окопы, а утром — опять на завод, к станку...

Прасковья Ефимовна Рехова — моя бабушка. Она и сейчас живет в городе Онега Архангельской области. Нечасто мы видимся, но каждая такая встреча — для меня незабываемый урок. Хотелось бы и мне так же честно, по-пионерски прожить свою жизнь!

Оля ШЕШУКОВА,
пос. Ясног, Сыктывкарский район, Коми АССР.

Моя семья живет в Смоленске. У этого города интересная, но очень трудная судьба.

Когда враги нападали на нашу страну, то их путь к Москве всегда лежал через Смоленск. Здесь шли тяжелые сражения с войсками Наполеона. А после сражений Великой Отечественной наш город надо было строить заново. Но если вы к нам приедете, то ни за что об этом не догадаетесь — старые здания восстановлены такими, какими они были до войны.

У нас много известных на всю страну заводов. Один из них трудно представить без моего деда — Григория Ефремовича Павлова. Он работает на заводе с 1937 года и все пережил вместе с ним.

Дедушку за хорошую работу наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». У него вообще много трудовых медалей, но об этом он рассказывать не очень любит.

На заводе работают моя мама — Татьяна Григорьевна, ее брат — дядя Слава. А про папу — Михаила Григорьевича Парубина — даже писали в заводской многотиражке. На завод папа пришел простым рабочим, потом окончил техникум и институт, теперь он работает инженером-радиомехаником.

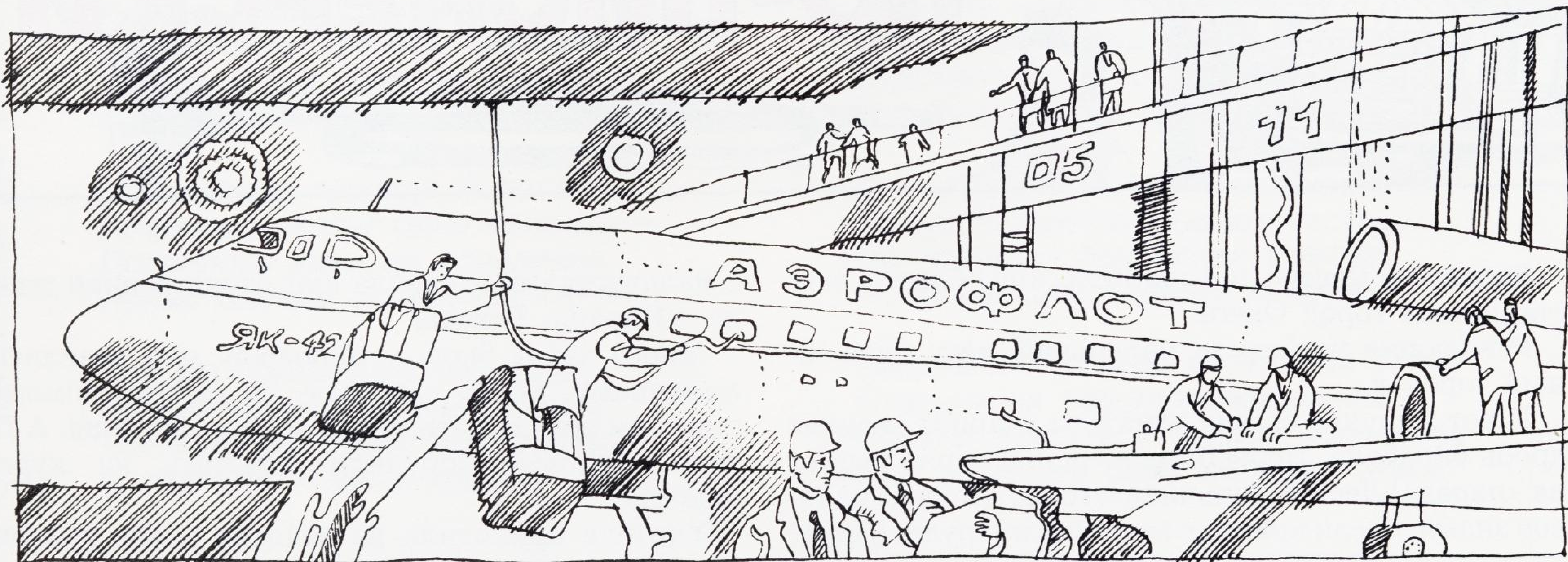
Его портрет часто висит на Доске почета, но папа, такой же скромный человек, как и дедушка, не любит, когда его при всех хвалят.

Сейчас на нашем заводе важное событие — выпущен новый самолет Як-42.

У нашей семьи всегда много работы. Дедушка иногда после ужина опять уходит на завод. Он, наверное, устает — пожилой уже человек! Мог бы уйти на пенсию, но дома сидеть не хочет. Говорит, что на заводе лучше себя чувствует.

Я еще не знаю, что буду делать после школы, но собирать модели самолетов мне нравится.

Гриша ПАРУБИН,
6-й класс, школа № 30, г. Смоленск.

Рисунки А. БОРИСОВА.

В. РЫБИН

ДОРОЖНЫЙ КАТОК

Рисунки В. НАГАЕВА.

О том, что 18-го числа после уроков состоится общешкольный субботник по сбору металлолома, в 7 «А» объявили как-то просто, обыденно. Накануне, в пятницу, на большой перемене в класс зашел вожатый-десятиклассник Володя Синичкин и, сдерживая напор рвавшихся в столовую мальчишек и девчонок, спокойным, деловым голосом произнес:

— Завтра общешкольный субботник, начало в пятнадцать ноль-ноль. Форма одежды — рабочая. Будем собирать металлолом. Ясно?

— Ясно! — дружно выдохнул класс, оттирая Синичкина к двери.

— И еще,— многозначительно поднял руку вожатый, требуя тишины и внимания.— Субботник посвящается двадцатилетнему юбилею нашей школы...

— Двадцать лет школе? Вот это да-а-а! Вот здорово!

— Отличившийся класс будет награжден...— продолжал Синичкин.

— Как награжден?! — подал голос кто-то из задних рядов.

— Обыкновенно,— в тон ему ответил самый рослый, а потому самый авторитетный в классе Генка Штаблов.— Объявят благодарность на линейке и вручат грамоту.

Переждав шум, вожатый наконец закончил:

— Класс, завоевавший первое место, будет награжден бесплатной туристической путевкой в Кунгурскую пещеру. Слышали о такой?

Ребячий напор на двери вдруг разом ослаб: все были поражены известием и замерли на месте. Оцепенение продолжалось недолго. Через несколько секунд класс забурлил. Возбужденные голоса вразнобой заговорили об Урале и небольшом городке Кунгуре, знаменитом своей уникальной пещерой, о горных озерах, о рыбалке... Кунгурская пещера находилась в соседней области, некоторые ребята-старшеклассники совершали туда поездки. Но чтобы путевку разыгрывали и среди семиклашек — такое было впервые!

— А я знаю, как туда добраться! — старался перекричать всех Миша Веселов.— У меня брат был там в прошлом году...

Его быстро оборвали:

— Шустрый какой! Путевку получить сначала надо, а потом и маршрут обсуждать!

Даже самые несложные дела в тот день отошли на задний план. Мысли мальчишек и девчонок были заняты предстоящим субботником и, конечно же, путевкой.

Больше всех волновался Алеша Ягодкин.

— Это что же получается? — негодовал он.— Не могли сказать хоть за неделю! И объявление где повесили? Возле учительской! Что ли, там каждый день бываешь?..

Алеша был самым удачливым на таких субботниках, а их набралось немало в его богатой школьной биографии. Он всегда собирал металлолома больше других. Был Ягодкин редким пронырой в делах такого рода: найдет заранее какую-нибудь железяку потяжелее, припрячет понадежнее, а когда субботник — он тут как тут... Или договорится с завхозом ремонтных мастерских, а если повезет — с заведующим гаражом (больше в поселке Медвежьем не было мест, богатых железным хламом), а в день субботника подгонит тележку и нагрузит, сколько сможет увезти. А не сможет — дружка своего, Игоря Скобцова, прихватит: в паре они вообще рекорды ставили. Такая тактика никогда не подводила Ягодкина. Но что это были за субботники?! Обыкновенные. Другое дело — завтра. К юбилею школы! Да и награда манила: как было бы

хорошо всем отрядом съездить на Урал, побывать в знаменитой пещере!

В столовой Алеша даже забыл взять свой любимый компот, настолько новость заняла его мысли.

— Туристическая поездка... Кунгур... Озера... Костер в лесу, рыбалка, грибы... Дух захватывает!

Прекрасные картины возможного путешествия сменялись негодованием:

— Хорош Синичкин — не догадался пораньше предупредить! Ведь знал, наверняка знал и про субботник и про турпутевку... А теперь попробуй обгони другие классы, найди что-нибудь подходящее, когда времени остается в обрез...

Расстроенный Ягодкин с трудом досидел до конца уроков. У дверей школы его поджидал Скобцов — стоял, опершись на изгородь, и нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Домой?

— Домой.

— Что делать будем?

— Ты про субботник, что ли? — уточнил Ягодкин.

— Про что еще?!

Алеша не ответил. Минут пять они шли молча по весенней, зеленеющей кустами акации улице, думая каждый о своем. Алеша — о том, где бы отыскать железный лом — не какую-нибудь ржавую кровать или дырявое ведро, а что-то посолиднее, килограммов на сто — двести, тогда и о первом месте можно думать серьезно. А Игорь думал о Ягодкине, о том, что тот-то уж обязательно найдет выход из трудного положения, и как было бы хорошо, если бы на завтрашнем субботнике Алеша взял его в пару...

— Может, в гараж сходим? — неуверенно предложил Скобцов, нарушая затянувшееся молчание.

— Там все чисто.

— Что же делать? Не собирать же старые кастрюли да тазы по домам?!

— А что? Придется...

Алеша вдруг остановился и сосредоточенно потер переносицу.

— Знаешь что, давай пройдемся по камышам!

— Возле Черной?

— Ну да... Заскочим домой, сумки бросим — и туда.

— Далековато...

— Ничего. Подумаешь, полтора километра.

— Да и мокро там еще...

Скобцову не очень хотелось тащиться по жаре в такую даль — какой уж там металлолом! Но Ягодкин был неумолим:

— Сапоги наденем. Быстро обернемся.

Мальчишки забежали на несколько минут домой, переоделись, схватили по куску хлеба и скорым шагом направились в конец поселка, где в полутора километрах темно-зеленой камышовой лентой извивалась речка Черная — тихая, спокойная, неширокая, каких много в зауральских низинах и болотинах. Вдоль речки, не пересекая ее, далеко к горизонту уходила асфальтовая лента шоссе. Асфальт здесь проложили в прошлом году, но движение по трассе еще не открыли. Дорожники ушли из этих мест — машины с песком и гравием проносились теперь на север. Ягодкин знал, что после дорожных работ всегда остается масса полезных и бесполезных вещей.

— Может быть, посчастливится кузов найти или тракторную гусеницу — что там еще тяжелого может быть? — вспоминал Алеша.

До места добирались недолго. Быстрый шаг и жаркое весеннее солнце разморили ребят. Лица их стали пунцовыми и мокрыми. Очень хотелось сбросить с себя все и нырнуть с крутого берега в искрящийся солнечными зайчиками омут. Игорь заикнулся было, что неплохо, мол, окунуться, но Алеша отрезал:

— Не время еще купаться, да и не за этим тащились сюда по жаре!

Камышовые заросли широкой полосой обступали Черную с обоих берегов. У самой воды камыш был старый, сухой, а у дороги зеленел молодняк. Вот по этому молодняку и двинулись мальчишки один за другим вдоль речки.

Железяк, малых и больших, попадалось много: то консервная банка, то обруч от бочки, то старое велосипедное колесо, но все это было не то.

— Много не потянет,— ворчал Алеша, старательно всматриваясь в камыш.

Они бродили больше часа, и Скобцов начал подумывать, что напрасно связался с Ягодкиным,— сидел бы сейчас дома, интересную книжку читал или мяч гонял во дворе. Он уже и не смотрел по сторонам, а тупо уставился в Алешину спину и вяло переставлял ноги, своим грустным видом показывая, что пора возвращаться в поселок.

Впереди неожиданно просветлело, и ребята оказались в неглубоком овраге. С трех сторон овраг окружал плотный камышовый занавес, за которым струилась, играла на солнце Черная, а с четвертой — поднимался к шоссе пологий откос. У самого камыша, там, где уже начинала просачиваться вода, стоял... дорожный каток. Да, да, обыкновенный дорожный каток, без какого невозможно заасфальтировать ни одну улицу или автостраду!

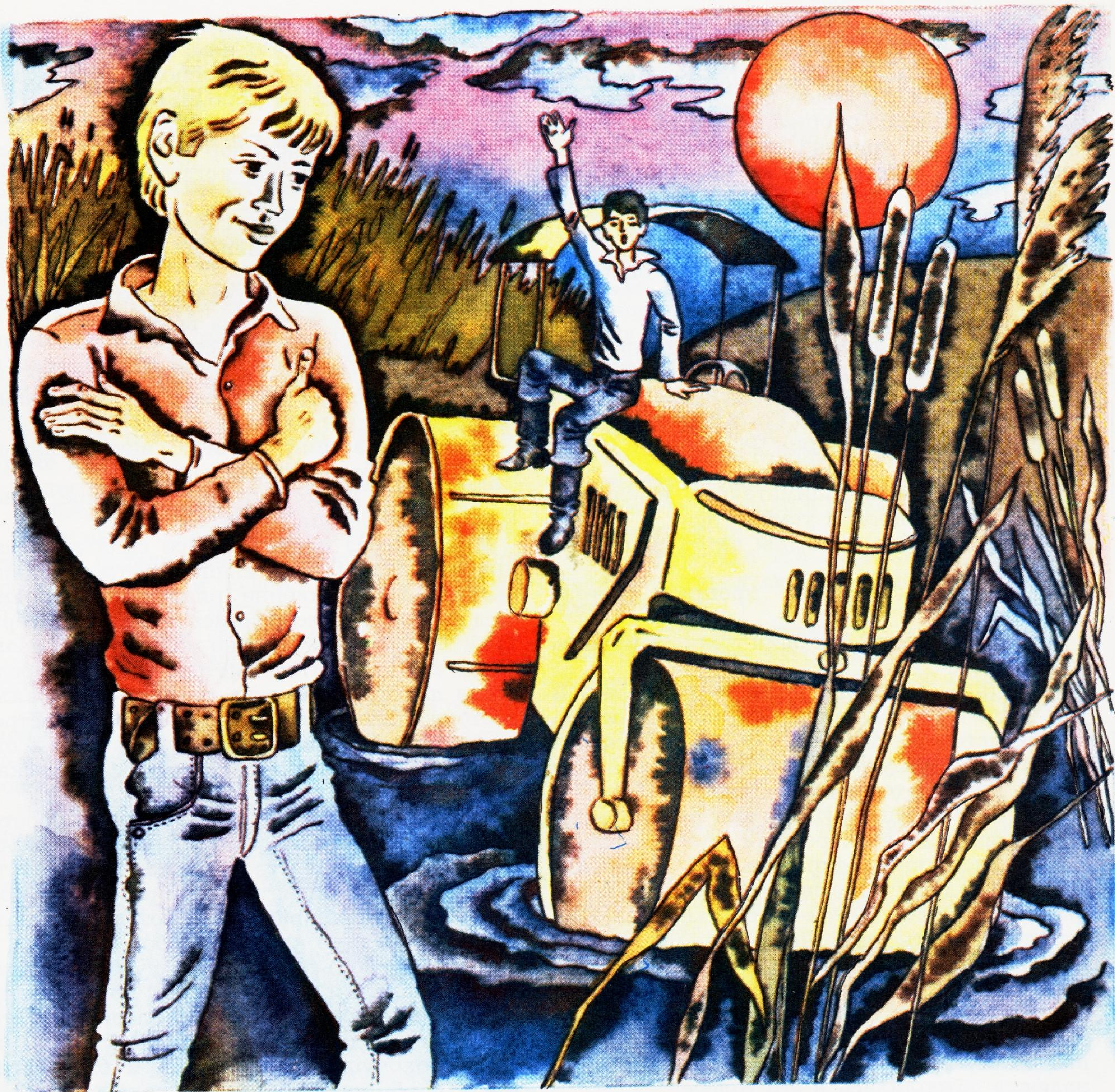
Мальчишки оторопели. Как он здесь очутился? Какая лихая сила занесла его сюда?

Первым опомнился Скобцов.

— Вот так подвезло! — завопил он и бросился к странному агрегату. Под ногами противно заколыхался толстый ковер из прошлогодней травы, следы заполнились мутной водой.

— Куда ты?! Сапоги утопишь — видишь, как засасывает! — Алеша ухватился за камыш и начал подминать его под ноги.— Ну и грязища! — Но Игорь даже бровью не повел — спешил к катку, с трудом вскарабкался на переднее колесо и ударил кулаком по крышке мотора.

— Бум-м-м! — откликнулась крышка, и

— Ты посмотри, сколько железа — тонн десять! — восторгался Скобцов.

мелкой дрожью заходила ее плоская широкая спина.

— Ты посмотри, сколько железа — тонн десять! — восторгался Скобцов.

— Шесть, — поправил Алеша.

— Откуда знаешь?

— Так вот же написано: «Вес 6 т»... — указал Алеша на едва заметную надпись на боку катка.

— Ну и нюх у тебя на металлолом! Миноискатель не нужен...

— Да это же не металлолом!

— Как это не металлолом? Самый настоящий. Кому нужен этот каток? Был бы нужен — не стоял здесь... Проржавел вон уже...

Вид у катка был действительно нерабочий: приборная доска снята, исчезли сиденье и боковые створки от мотора, да и в моторе, чувствовалось, кто-то изрядно похозяйничал... Красно-рыжие пятна многочисленными оспинами проступили на колесах-барабанах...

— Значит, думаешь, его можно сдать завтра? — спросил Алеша, с сомнением вглядываясь в ржавые пятна.

— Конечно. Сразу всех обгоним. Это же шесть тонн! А какой подарок школе в честь юбилея! — Скобцов преобразился. Исчезли недавние разочарование и усталость, глаза заблестели, заговорил он громко и уверенно.

— Как же мы зимой его не заметили?

— Так эту же сторону снегом заметает — низина... Да и на лыжах сюда не ходим — какой дурак в степь, на ветряк, пойдет, когда лес

рядом.— Игорь махнул рукой в противоположную сторону, где за высокой трубой кочегарки на окраине поселка темной плотной стеной вставал сосновый бор.

Алеша медленно обошел вокруг катка, глубоко увязая в трясине, постучал ногой по гигантскому колесу и даже нажал на него плечом, словно примеряясь, глубоко ли оно засело в грунт.

— Как же его к школе привезти?

— Очень просто. Отца попрошу — он трактором подцепит и пригонит...

На том и порешили.

На следующий день, едва дождавшись начала субботника, Ягодкин и Скобцов побежали на лесосклад, где, сортируя сосновые стволы, тяжело пыхтел и лязгал стальными балками прицепа трактор Григория Федоровича Скобцова.

Скобцов-старший внимательно выслушал просьбу мальчишек и усмехнулся:

— Это не у откоса ли вы каток нашли?

— У откоса.

— Так его дорожники прошлой осенью оставили.

— Как оставили? — в один голос удивились мальчишки.

— А так — оставили, пока не подсохнет. В том месте низина — после дождей вода всегда застаивается и получается болото. Дорожники это не предусмотрели, вот и посадили каток. Дождей-то, помните, сколько было?!

Весь пыл Алеши и Игоря как рукой сняло. Они были так разочарованы, что смолкли и лишь рассеянно озирались по сторонам. Сколько надежд было связано с катком, который они нашли, а каток-то, оказывается, и не терялся... Шесть тонн! Шесть тонн прекрасного металла! Вся школа столько не соберет за субботник, а тут один 7 «А», и даже не отряд, а лишь Ягодкин и Скобцов...

— А чего же у него детали пооткручены? — прервал молчание Ягодкин. Слабая надежда затеплилась в его голосе.

— Какие детали?

— Ну там... рычаги разные, сиденье...

— А-а, так это водитель снял. Чтобы ребятишки не разбили или не растащили...

Снова молчание, и снова Алеша подал голос:

— А может, вытащить его — что он ржавеет там, портится же...

— Так к нему не подобраться: болотина.

— Ну тросом.— Глаза Ягодкина загорелись, ему вдруг ужасно захотелось вытащить найденный ими каток.

— Троса не хватит.— Ровный, деловой тон Григория Федоровича разрушил хрупкие надежды Алеши.

— Не хватит — удлинить его! — выпалил Ягодкин и выжидательно замер, словно испугался, что сказал лишнее.

Григорий Федорович как-то странно посмотрел на мальчика, задумался на мгновение и вдруг весело рассмеялся:

— Ну и светлая голова у тебя, Алексей! Как же это они сами не догадались?! Конечно, надставить трос еще одним, а чтобы не лопнул — двойным, и дело с концом... Торопились тогда,— вспомнил он дорожников,— вот и не додумались...

Игорь слушал разговор внимательно, сам голоса не подавал, но, когда закончил отец, сказал:

— А если не в металлолом каток, так зачем нам с ним возиться, Лешка?

Ягодкин нахмурился:

— При чем здесь металлолом? Машина пропадет — надо ее из болота выручать.

— А как же первое место?

— Ну тебя,— отмахнулся Ягодкин и просительно посмотрел на Григория Федоровича: — Может, попробуем?

Скобцов-старший обвел внимательным взглядом ребят и улыбнулся:

— А что, и попробуем, раз такое дело! Игорь, ты поедешь с нами?

Минут через пятнадцать со склада по направлению к Черной вышел светло-оранжевый ДТ-54. В кабине рядом с Григорием Федоровичем пристроились Алеша и Игорь. Трактор шел медленно, но мальчишкам казалось, что он мчится быстрее ветра, и среди шума двигателя и стука гусениц они ловили восторженные крики попадающихся навстречу малышей и вопросительные взгляды одноклассников, снующих по поселку в поисках металлолома.

Вытащить каток оказалось не так просто. Однако после нескольких попыток удалось наконец удлинить трос, надежно зацепить каток. Трактор поднатужился, рванул гусеницами землю и под радостные возгласы Алеши и Игоря потянул каток за собой.

К школе подъехали, когда субботник уже заканчивался и авторитетная комиссия во главе с директором Львом Николаевичем Петровым подводила итоги соревнования. При виде грохочущего гусеницами и стальными листами обшивки трактора и надрывно скрипящего ржавыми колесами катка члены комиссии испуганно переглянулись и что-то быстро-быстро начали объяснять Льву Николаевичу.

— Вот вам еще железка,— обратился к учителям Григорий Федорович, заглушив мотор и выпрыгнув из кабины.

— Вы что, серьезно? — озабоченно спросил директор.

— А как же? Ребятишки возле речки нашли — от дорожников осталось,— указал Скобцов на растерявшихся вдруг Алешу и Игоря.— Что ему, железу-то, ржаветь?

— Вы что же, на металлолом его привезли?

Григорий Федорович засмеялся.

— Мальчишки сначала думали, что это металлолом и есть, а потом разобрались, что к чему... Надо позвонить в район, сообщить, что каток вытянули,— пусть заберут...

Заветную путевку по итогам субботника

получил 7 «Б», но Ягодкин не слишком огорчился:

— Ничего. В другой раз нам повезет. Зато каток вытащили!

И все же каждый раз, когда Ягодкин проходил мимо машины, громоздящейся в школьном дворе, в голове его нет-нет да и мелькала шальная мысль: «А здорово было бы, если его на металлолом списали. Вот тогда-то уж мы точно победили бы!»

...Прошло несколько дней. Весть о том, что школьники вытащили дорожный каток из низины у Черной, разнеслась по всему поселку и даже за его пределами. И вот однажды, в конце мая, в школу приехали какие-то люди из райцентра.

Ягодкин и Скобцов в это время были на уроке алгебры.

В дверь кабинета математики постучали:

— Ягодкина и Скобцова к директору!

В кабинете Льва Николаевича, кроме него самого, сидели двое незнакомых мужчин: один — высокий и худой, другой — плотный, среднего роста, в очках.

— А-а, вот они, герои! — приветствовал высокий.— Рассказывайте, где вы нашли этот каток?

— Там, у Черной,— чуть охрипшим от волнения голосом начал пояснять Алеша,— за поворотом. От него еще дорога к поселку идет...

— Ясно. Наша машина, Геннадий Ильич,— прервал Ягодкина второй незнакомец и широко улыбнулся:— Ну и ребятишки! Ловко они нам нос утерли. Мы планировали через месяц-два каток снимать, когда окончательно подсохнет, а они?!

— Да как вы ухитрились его вытянуть? — спросил тот, кого величали Геннадием Ильичом, и хитро посмотрел на мужчину в очках.

— Трактором.

— Понятно, что трактором, но там и трактором не развернуться: болото.

— А мы длинным тросом. К самому-то катку не подъедешь... А дядя Гриша...

— Какой дядя Гриша?

— Да Скобцова Игоря отец... Он трос наставил — метров сорок получилось — и тянул прямо с откоса. А когда на шоссе вытянул, трос убавил — каток аж гусеницы у трактора задевал. Так и дотащили его до школы...

— Да, вот так пацаны! Спасибо вам. Олег Ефимович,— повернулся Геннадий Ильич к своему спутнику,— каток надо срочно отремонтировать и направить на северный участок — он там позарез нужен.

В разговор вступил директор школы. Все это время он молча сидел за своим столом, подперев левой рукой голову, а правой что-то рисуя на тетрадном листе. Лицо его, обычно живое и подвижное, застыло в каком-то выжидательном напряжении.

— Мальчишки его на металлолом хотели сдать — за турпутевку боролись. У нас субботник тут был...

— За какую путевку?

— Победитель награждался турпутевкой в Кунгур, в знаменитую ледяную пещеру.

— Так-так,— понял Геннадий Ильич.— Ну и как, удалось вам победить?

Ягодкин поник головой:

— Нет.

— Понятно. Ну, что же, Олег Ефимович, я думаю, дело надо поправить — турпутевка для...

— Седьмого «А»,— с готовностью подсказал директор и лукаво оглядел собравшихся в его кабинете людей.

— ...для седьмого «А» от дорожного управления будет хорошей наградой за их хозяйское отношение к народному добру.

— Согласен с вами,— весело отозвался Олег Ефимович и взглянул на ребят: их лица сияли.

Москва. 25 мая 1919 года. В. И. Ленин обходит строй Всевобуча на Красной площади.

Борис НИКОЛЬСКИЙ

НЕПОБЕДИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ

Фотографии П. СКУРАТОВА и Г. ВЬЮРКОВА.

Не так давно я сел в поезд и отправился в долгое путешествие через весь Советский Союз. Это была обычная деловая поездка, командировка, и единственная ее особенность заключалась в том, что я не взял билет на самолет, который доставил бы меня к цели за считанные часы, а отправился в путь на медлительном поезде. Многие мои знакомые удивлялись: что это ты, мол, не дорожишь временем? Да и утомительно столько дней трястись в вагоне. Но я отшучивался, отвечая, что давно не ездил по железной дороге, соскучился по поездам...

Однако на самом деле была у меня своя главная, тайная цель, о которой я никому не рассказывал. Наш поезд должен был, согласно расписанию, на восемь минут остановиться на маленькой станции, затерянной среди степей и сопок. На этой станции когда-то я начинал свою солдатскую службу, здесь впервые надел армейскую шинель и солдатские погоны. И вот теперь только ради того, чтобы снова взглянуть на эти места, я и решил ехать поездом.

Моросил мелкий дождь, когда я вышел на небольшую деревянную платформу. Отсюда, с платформы, были видны приземистые здания складов, возле которых мне столько раз с автоматом, снаряженным боевыми патронами, приходилось стоять на посту. Теперь здесь давно уже не было воинской части, многое тут изменилось, но и сейчас я узнавал извилистую быструю речку, на берегу которой мы когда-то рыли окопы, ползали по-пластунски, развертывали радиостанции... Чуть подальше лежало стрельбище, где в жестокий мороз учились мы посылать пули точно в мишень...

Я стоял на почерневшей от дождя безлюдной платформе и чувствовал, как волнение все сильнее охватывает меня.

Что же все-таки привело меня сюда, какая сила заставила совершить многодневное путешествие ради вот этих восьми минут? Чем притягивала меня к себе эта земля?

Разве так уж легко приходилось мне здесь, когда я носил солдатскую шинель? Разве мало пришлось пролить пота, одолевая азы армейской службы? Разве так просто было привыкнуть к твердой воинской дисциплине, к суровой командирской требовательности?..

Так почему же теперь я испытывал такое ощущение, словно оставил здесь навсегда нечто очень дорогое и важное для себя?

Не оттого ли, что армия, именно армия, учила меня выносливости и стойкости, учила бескорыстному воинскому товариществу? Сколько раз, помню, на учениях, во время тяжелого многокилометрового марш-броска в противогазах, когда, казалось, и сил-то больше не остается, я все-таки выдерживал, не отставал, не сдавался лишь потому, что видел и справа и слева от себя упорно бегущих вперед, не сдающихся своих товарищей!

Армия преподавала мне уроки мужества и настойчивости. Армия учила меня чувству воинского долга и верности. Здесь, в армии, за тысячи километров от дома, вдруг острее становилось чувство Родины, ощущение собственной, личной ответственности за ее судьбу.

Стоя на платформе, я словно опять видел себя — тогдашнего — в строю таких же, как я, солдат. Я словно слышал, как печатают наши сапоги строевой шаг, как взвивается над ротным строем песня:

Непобедимая и легендарная,
В боях познавшая радость побед,
Армия, родная Армия...

И уже не различить, где твой голос, а где голоса остальных, и ощущение слитности, единения, когда ты — это все, а все — это ты, как бы подхватывает и поднимает тебя и делает сильнее и чище...

Это чувство солдатской гордости — оттого, что ты пусть в малой степени, но тоже причастен к армейскому братству, к этой грозной и справедливой силе — великой Советской Армии,— я испытывал не раз и значительно позднее, когда стал уже штатским человеком.

Я испытывал это чувство на больших воинских учениях «Двина», которые проходили зимой 1970 года в белорусских лесах.

Никогда не забуду, как шли и шли ночью войска, как, взметая снег, неудержимо двигались вперед колонны танков, как надрывно ревели могучие тягачи, как стремительно неслись боевые машины пехоты... Какая мощь ощущалась за этим неотвратимым движением!

А потом, помню, утром в небольшой заснеженной белорусской деревушке мы молча стояли возле сельсовета перед деревянной мемориальной доской с перечнем фамилий погибших во время войны жителей деревни. Этот скорбный перечень был бесконечно длинен, часто в нем попадались колонки одних и тех же фамилий, только инициалы были различны — целые семьи, братья, сестры,

отцы, матери, дети отдали свои жизни в смертельной схватке с фашизмом. Они не носили солдатских погон, не имели знаков воинских различий, но в трудный для Родины час все они стали солдатами Родины.

Эта деревянная простая доска на здании сельсовета напоминала нам, как дорого достался нашему народу, нашей стране мир, какой ценой народ наш оплатил Победу. И грохот танков и бронетранспортеров, движущихся дальше, был одновременно и салютом тем, кто лежал здесь, в этой земле, в братских могилах, и обещанием, клятвой — всегда стоять на страже мира, на страже нашей Родины.

Как память об участии в этих учениях у меня хранится очень дорогая для меня награда — ленинская юбилейная медаль. На одной стороне медали выбит профиль вождя революции, а на другой — слова: «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина». И это не случайно. Ведь именно Владимир Ильич Ленин с первых дней существования Советской власти неустанно заботился о том, чтобы первое в мире государство социализма могло надежно защитить себя от врагов.

Вновь испытал я чувство гордости за нашу армию, когда уже совсем недавно побывал у военных летчиков.

Я видел современные боевые самолеты в действии.

Стремительные «Миги» то проносились, словно выпрыгивая внезапно из-за кромки леса, то возникали вдруг крошечными темными точками в самом зените неба и, мгновенно разрастаясь, увеличиваясь, неотвратимо неслись к цели.

Они исчезали так же стремительно, как появлялись, оставляя за собой лишь реактивный грохот, а над болотистой равниной, где только что виднелись фанерные мишени, клубился дым разрывов, и медленно оседала бурая земля. Умело и точно действовали летчики.

И когда я следил за этими стремительными машинами, за огненным следом ракет, выпускаемых самолетами, память невольно возвращала меня к далеким июньским дням сорок первого года.

Поезд, переполненный детьми и женщинами. Тревога — надсадный вой гудка. И черные, вытянутые силуэты фашистских самолетов, хладнокровно заходящих в хвост состава... Руки матери отрывают меня от вагонного окна, но я еще успеваю увидеть, как в воздух взмывает наш «ястребок», и вихрь смертельной схватки уносит самолеты прочь...

Я вспоминал об этом, глядя теперь на болотистую, дымящуюся там и тут равнину, и думал, что для того ведь и несут изо дня в день свою нелегкую службу отважные летчики, для того и поднимаются в воздух на своих умных боевых машинах, чтобы никогда больше не повторился сорок первый год, чтобы всегда было чистым небо над нашей Родиной.

Борьба за мир и Советская Армия, ее мощь — сегодня эти два понятия неразделимы. Мы не хотим войны, но постоять за себя мы сумеем.

На другой день после того, как я побывал на полигоне, где летчики учились метко поражать цели, в той же летной части я увидел солдат — тех, кто несет службу на аэродромных радиостанциях, кто обслуживает технику, кто готовит аэродром к полетам. Солдаты шли строем и пели:

Непобедимая и легендарная,
В боях познавшая радость побед...

И мне вдруг показалось, что я тоже шагаю с ними в одном строю. Уж очень мне нравится эта песня. Непобедимая и легендарная! Точнее о нашей армии не скажешь!

Советская Армия сейчас вооружена самой современной техникой, в ее рядах — образованные, отважные бойцы и офицеры.

На снимках:

Боевая машина перед вылетом.

Морские пехотинцы в парадном строю.

Танки на марше.

Ирина АНДРИАНОВА

Встреча с дедом

ПОЭМА

Деду, не вернувшемуся с войны.

Мне виделась степь
Под безоблачным небом.
В ней ветер купался,
Играя травой.
Огромное солнце
Над степью висело,
Плескало жару
Золотою рекой.
Дорога летела
Горячей стрелою
В просторы степные.
И будто я шла
По этой дороге...
И вдруг предо мною
Скала обелиском
Суровым легла.
Из серого камня,
Седая, крутая,
Омыта дождями,
Согрета жарой.
Алела на ней
Звезда, как живая.
Вдруг слышу: над камнем
О битве большой
Священная песня
Звучит, закипает,
И в сердце иглою
Вонзилась печаль.
Мой дед не вернулся
С полей, где шагает
Война и грохочет
Кровавая даль.

Вдруг вздрогнуло небо
И громом застыло.
Я вижу... стоит
Предо мной вороной.
Рвёт ветер его
Шелковистую гриву,
И клочьями пена
Над жаркой губой.
— Откуда ты, конь
Тёмногривый, скажи мне? —
Спросила с улыбкою
Грустной его.
И вдруг показалось,
Шепнул торопливо
Он на ухо мне:
— А сядь-ка в седло...
...Я помню, как небо
Мутнело и висло,
И пахла тревогой
Степная трава.
Я помню, как ветер
С разбойничьим свистом
За нами помчался,
Гоня облака.

И степь улетела,
Растаяла в небе.
Лесная прохлада
Меня обожгла.
И конь мой устал
В этом яростном беге.
Пред нами — поляна,
Солдатский привал.
Мне кто-то кричал:
— Эй, здравствуй, родная!
Мне кто-то подмигивал:
Как, мол, дела?
И старый сержант
Удивлялся: — Шальная,
Какими судьбами
Примчалась сюда?
Какой-то ефрейтор,
Уставший и пыльный,
Ко мне подошёл:
— Ну, кого навестить
Приехала, дочка?
И, видно, ты длинный
Проделала путь...
А не хочешь попить?
— Спасибо. Хочу.—
Застучала зубами
О горлышко фляги:
— Я к деду... Зовут...
Андрей Николаевич...
Сидоров...
— Знаю!
Вот только что здесь был!
Вот только что — тут!

Андрей Николаич!
Андре-ей! Андрюша!
Кусты расступились.
Дед... Молодой...
Губы упрямые,
Крепкие уши,
Чуб нависает,
Светлый, крутой.
— Внучка?! — В голосе
Радость с вопросом
В одно нераздельно
Смешалась, слилась...
Голос — родной, с хрипотцой
И чуть жёсткий,
Наверно, от ветра...
— Откуда взялась?
Звать как?
— Ирина,
Я — Лидина дочка!..
— Значит, Иринка...
Что-что? Говоришь,
Лидина дочка?..
Не понял он точно
Или — всё понял.
Сказал:
— Жизнь, шалишь.
Обнял с душой,
Целовал троекратно,
Сел на траву, закурил:
— Вот дела...
Как там жена,
Как дочурка, ребята?
Рассказывай, милая,
Письма сюда
Редко приходят:
Бои да бомбёжки,
Почта иной раз
Теряет твой след...
— Всё хорошо.
Всего понемножку.
Бабушке скоро
Уж семьдесят лет.

— Как?! — закричал он.—
Иринка, ей — тридцать!
Ира, послушай!..
— Я, дед, родилась
После войны...
Вдруг тревожною искрой
Песня трубы
Над поляной взвилась.
Взрывы вдали
Прогремели. И снова.
Вот ещё раз.
И ещё. И ещё...
Дед посерьёзнел,
Подвёл вороного:
— Ну, извини, ты, Иринка,
За всё.
Надо сражаться.
Сама понимаешь.
Бой — это бой,
А война — не игра...
Только спеши,
А не то опоздаешь,
Пуля ведь дура...
Помог в стремена
Ноги мне вставить...
Взрывы всё ближе...
Дед улыбнулся:
— Ты, парень, ей-ей.
Только вот юбка...
А нашим всем, слышишь,
Низкий поклон...
Ну, скачи же. Смелей!
— Дедушка, милый,
Прости, я хотела...
Он уходил,
Он не слышал меня...
Я не желала скакать!
Я не смела
Деда оставить!
...Ревела земля.

Конь мой,
Недоброе что-то учуяв,
Взвился. Огонь
Из-под чёрных копыт...
Мимо звенели
Голодные пули...
Бой отдаляется.
Сзади гремит...

* * *

Ты не погибнешь,
В бою изранен!
Не рухнешь на землю
С осколком в груди!
Сквозь военное,
Злое пламя,
Дедушка, милый,
Дойди!
Дойди до садов,
Зажжённых весною,
До мирных, июльских
Дождей,
До дома родного,
Где в праздник — застолье
Родных и любимых
Людей.
На узенькой улочке,
Солнечной, тихой,
Много коротких
Лет
Ждут и надеются,
Верят: ошибка,
То,
что тебя
нет.
Ждём тебя, дедушка,
Годы и годы,
Сроки все вышли,
Но всё ж:
Верим, что ты
Сквозь войну
И невзгоды,
Дедушка, в мир
Дойдёшь...

ГЛАВКОМЫ КРАСНОГАЛСТУЧНОЙ АРМИИ

Вот уже четырнадцать лет звучит в стране Пионерии звонкое и призывное слово — «Зарница». Миллионы твоих сверстников, играя в «Зарницу», учились у своих мирных командиров мужеству и стойкости, постигая мудрость военного дела. Многим мальчишкам уроки «Зарницы» помогли стать настоящими воинами нашей славной Советской Армии.

Как начиналась «Зарница»? Кто вел в первый «бой» юнармейские войска? — такие вопросы часто задают ребята — новобранцы «Зарницы». А началось это так.

Когда Маршала артиллерии, Героя Советского Союза Василия Ивановича Казакова попросили возглавить пионерскую армию, командовать «Зарницей», он пришел в редакцию «Пионерской правды». Василий Иванович — легендарный герой Великой Отечественной. В грозном 1941-м артиллерия механизированного корпуса, где служил Казаков, громила врага под Москвой. Прославленный маршал сражался под Сталинградом, дошел со своими воинами до Берлина и там встретил день Победы. Сын рабочего стал Маршалом артиллерии. И вот теперь он пришел к пионерам, чтобы вести их юнармейскими дорогами.

— Никогда мне не приходилось командовать многомиллионной армией,— улыбнулся Василий Иванович, узнав, что пионеры страны включились в подготовку к «Зарнице».— Дело это нешуточное, серьезное. А раз серьезное, то должен быть штаб армии. Штаб должен издавать приказы. Есть приказ № 1?

Приказа не было.

Тогда Василий Иванович сел за стол и вместе с журналистами «Пионерки» стал набрасывать текст первого боевого приказа «Зарницы». Спорили по каждому пункту. Но наконец приказ был подготовлен. Вот он, тот первый приказ «Зарницы», который навсегда останется в летописи пионерской организации нашей страны.

ПРИКАЗ № 1

командующего Всесоюзной военно-спортивной игрой «Зарница»

Москва. 10 января 1967 года.

Всем комитетам комсомола школ, пионерским дружинам — участникам Всесоюзной военно-спортивной игры «Зарница» ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Создать штаб батальона в составе 7—9 человек.

2. Комитетам комсомола школ, советам дружин совместно со штабами батальонов сформировать из пионеров шестых — восьмых классов отряды юнармейцев.

3. Штабам батальонов: установить в отрядах юнармейцев форму одежды, знаки различия и эмблемы воинских специальностей; начать обучение юнармейцев строевой и боевой подготовке по специальностям; до 5 февраля 1967 года представить в Главный штаб доне-

Первый командующий пионерской военно-спортивной игрой «Зарница» Маршал артиллерии, Герой Советского Союза Василий Иванович Казаков.

Сегодня юнармейское войско возглавляет дважды Герой Советского Союза, генерал армии Иосиф Ираклиевич Гусаковский.

сение об окончании формирования батальонов.

4. До 20 февраля 1967 года провести в каждом батальоне смотр готовности к военно-спортивной игре.

5. Приказ о содержании и сроках игры будет опубликован в «Пионерской правде» 3 февраля 1967 года.

6. Горкомам, райкомам комсомола, советам пионерских организаций, военкоматам организовать городские, районные штабы по руководству игрой.

Под этим приказом Василий Иванович поставил свою подпись и проговорил:

— Ну что ж, начали...

Он почти каждый день звонил в редакцию, интересовался, как идет подготовка к игре, готовы ли медали и значки «Зарницы», давал советы. Главком пионерской армии всегда с интересом читал юнкоровские донесения, радовался, что «Зарница» понравилась ребятам, отвечал на десятки их вопросов.

«Приходилось ли вам встречать на своем боевом пути пионеров-героев?» — спрашивали ребята.

«Очень много,— отвечал маршал.— Враги захватили Волоколамск. И тут же на стенах домов начали появляться лозунги, призывающие к борьбе с оккупантами. Каждый день кто-то перерезал телефонные и электрические провода. У врага пропадало оружие. Все это, как потом выяснилось, делал юный народный мститель пионер Боря Кузнецов. В морозную ночь Боря залил водой радиаторы пяти вражеских машин. Машины вышли из строя, и фашисты удирали из города пешком. Чтобы преградить путь нашим танкам, они послали троих солдат взорвать мост. Но на их пути с автоматом в руках встал Боря Кузнецов. Завязался бой. Боря уничтожил двух фашистов, но сам был ранен смертельно. Очень хотел бы пожелать всем юнармейцам «Зарницы» расти такими же самоотверженными и мужественными патриотами, каким был юный герой Боря Кузнецов».

Летом в Севастополе состоялся первый финал «Зарницы». В город-герой прилетел Василий Иванович Казаков. Его можно было увидеть везде: на смотре строя и песни, у юнкоров, среди командиров юнармейских батальонов. Василий Иванович не скрывал своей радости и волнения: вспоминались годы войны, боевые друзья по оружию...

Во время штурма Сапун-горы, когда в «атаку» пошли пионерские батальоны, В. И. Казаков находился на командном пункте и лично руководил боем. Заговорила артиллерия, дав несколько залпов холостыми снарядами.

— Бог войны голос подал, все будет в порядке,— сказал маршал и тут же сел в машину, чтобы встретить на Сапун-горе

Дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян среди юнармейцев. Он командовал «Зарницей» после В. И. Казакова. Снимок сделан на IV Всесоюзном слете пионеров в г. Ленинграде.

атакующие цепи и поблагодарить юнармейцев.

Вечером перед пионерским строем Василий Иванович сказал:

— Молодцы, юнармейцы! Сегодня вы показали, что хорошо подготовились к штурму, отлично владеете юнармейскими специальностями. Так держать! Самое ценное качество в командире — инициатива, умение в любой обстановке принимать правильное решение и твердо выполнять его. Помните: «Зарница» — игра сильных, ловких и смелых. Любите нашу армию! Любите нашу Родину!

Таким добрым и чутким, требовательным и решительным был первый командующий «Зарницей», боевой Маршал артиллерии Василий Иванович Казаков.

С. ФУРИН.

Фотографии В. ГУСЕВА.

Герой Советского Союза, генерал армии Андрей Лаврентьевич Гетман принял эстафету руководства Главным штабом «Зарницы» от И. Х. Баграмяна.

ТОВАРИЩ ВОРОШИЛОВ — НАРОДНЫЙ КОМИССАР

Климу Ворошилову
Письмо я написал:
«Товарищ Ворошилов,
Народный Комиссар!

В Красную Армию
Нынешний год,
В Красную Армию
Брат мой идет...

...Товарищ Ворошилов,
А если на войне
Погибнет брат мой милый,
Пиши скорее мне.

Товарищ Ворошилов,
Я быстро подрасту
И стану вместо брата
С винтовкой на посту!»

Эти стихи написал в предвоенные годы советский поэт Лев Квитко. Когда читаешь — так и слышишь горячий голос мальчишки, влюбленного в Красную Армию. А Климент Ефремович Ворошилов был для всех советских людей — и юных, и более старших — воплощением отваги, мужества, преданности революции — всего того, что отличает воинов Красной Армии.

Вся жизнь Климента Ефремовича связана с нашей армией — с ее рождением, первыми испытаниями в гражданскую войну, трудными и героическими победами в Великую Отечественную...

Климент Ефремович был большим военачальником, очень занятым человеком, но он никогда не забывал о мальчишках, о будущих воинах. «Первый красный офицер», Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, он помнил о подрастающей смене. Климент Ефремович был гостем пионерских праздников и слетов, переписывался с ребятами, с целыми коллективами. Перед вами — отрывки из этих писем...

4 февраля 1981 года исполняется сто лет со дня рождения Климента Ефремовича Ворошилова

Климент Ефремович Ворошилов, легендарный герой гражданской войны, среди пионеров молодой Республики Советов.

Дорогие юные друзья!

Я знаю и верю, мои дорогие пионеры и школьники, что дело ваших дедов и бабушек, отцов и матерей, старших братьев и сестер — дело строительства коммунизма — вы примете как эстафету, как самое главное обязательство перед нашей славной Ленинской Коммунистической партией...

Мое детство, ребята, ушло в даль прошлого. Но я и сейчас не забыл его. Еще мальчишкой я начал трудиться. Всегда любил спорт, занимаюсь им и сейчас. Никогда в жизни не курил (не курите и вы, ребята, это большой вред для здоровья). С ранних лет стал я бороться за правду. А когда подрос, включился в революционное движение.

Многие из вас рассказывают в своих письмах, как занимаются в кружках истории, геологии, астрономии, физики, химии. Это очень хорошо, ребята. Нашей Родине нужны люди грамотные, хорошо знающие разные науки. Я бы советовал вам создавать больше кружков юных натуралистов и юных техников. И еще одного хочется вам пожелать: с малых лет приучайтесь к физическому труду.

Не теряйте же напрасно времени, трудитесь и растите достойной, славной сменой строителей коммунизма.

Желаю вам, юные друзья, здоровья, больших успехов в жизни, учебе и счастья!

К. Е. ВОРОШИЛОВ

Из письма пионерам и школьникам Советского Союза «Не теряйте напрасно времени». 1961 г.

* * *

Горячо приветствую будущих отважных и искусных летчиков. От души радуюсь тому, что авиамоделизм стал популярнейшим спортом наших школьников и пионеров. Приобщая молодежь к авиационной технике и летному делу, он вместе с тем возбуждает в ней живой интерес и любовь к науке и учебе. Путь от модели к планеру и от планера к самолету — это наиболее верный путь к массовой подготовке искусных летных кадров, в совершенстве владеющих техникой, работающих над ней с юных лет.

Желаю вашему слету и всем вам — талантливым молодым конструкторам — новых блестящих успехов.

К. Е. ВОРОШИЛОВ

Приветствие адресовано участникам Всесоюзных состязаний авиамоделистов, которые проходили в августе 1936 года в Краснодаре.

«Пионер» — Тында

В одиннадцатом номере за прошлый год «Пионер» рассказал о своем шефстве над школой № 8 в городе Тынде — столице БАМа.

Мы предложили друзьям журнала помочь организовать в тындинской школе музей Аркадия Петровича Гайдара, собрать школьную библиотеку.

Первыми откликнулись тимуровцы.

«Дорогая редакция! Мы собрали интересные документальные материалы для школы в Тынде. Это воспоминания членов первой тимуровской команды города Клина, созданной в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания К. И. Зотовой, заведующей детской библиотекой, которая лично знала Гайдара, материалы о жизни Гайдара в Клину, фотографии. Надеемся, что между нами и пионерами в Тынде завяжется дружба».

Тимуровцы Дворца пионеров
имени А. П. Гайдара, г. Клин.

«Посылку в город Тынду отправили. В ней бюст А. П. Гайдара, книги, набор открыток «Арзамас», диафильмы, значки, поделки из дерева и чеканка».

Совет музея А. П. Гайдара,
школа № 7, г. Арзамас.

«Наши тимуровцы выслали ребятам книги для школьной библиотеки, копии фотографий из своего музея, значки. Теперь с нетерпением ждем, когда тындинские ребята ответят нам».

Тимуровцы Дворца пионеров,
г. Светлоград,
Ставропольский край.

«Всегда рады откликнуться на просьбу «Пионера», всегда рады помочь. В Тынду отправили документы о жизни Гайдара и книги, фотографии и сувениры. Желаем ребятам БАМа успешно включиться в тимуровскую работу, всегда быть веселыми и здоровыми!»

Сотрудники
библиотеки-музея
А. П. Гайдара
г. Канева,
Черкасская область.

«Когда мы узнали, что в далекой Тынде организуется музей Аркадия Петровича Гайдара, то решили сразу помочь и быстро собрали первую посылку — книги, фотографии, материалы о жизни и творчестве А. П. Гайдара».

Тимуровцы Дворца пионеров
Ленинского района г. Москвы.

Тында далеко, но для дружбы нет расстояний!

ОТ ШТАБА ТИМУРА:

Сотрудники редакции отправили своим друзьям в Тынде первую посылку с книгами.

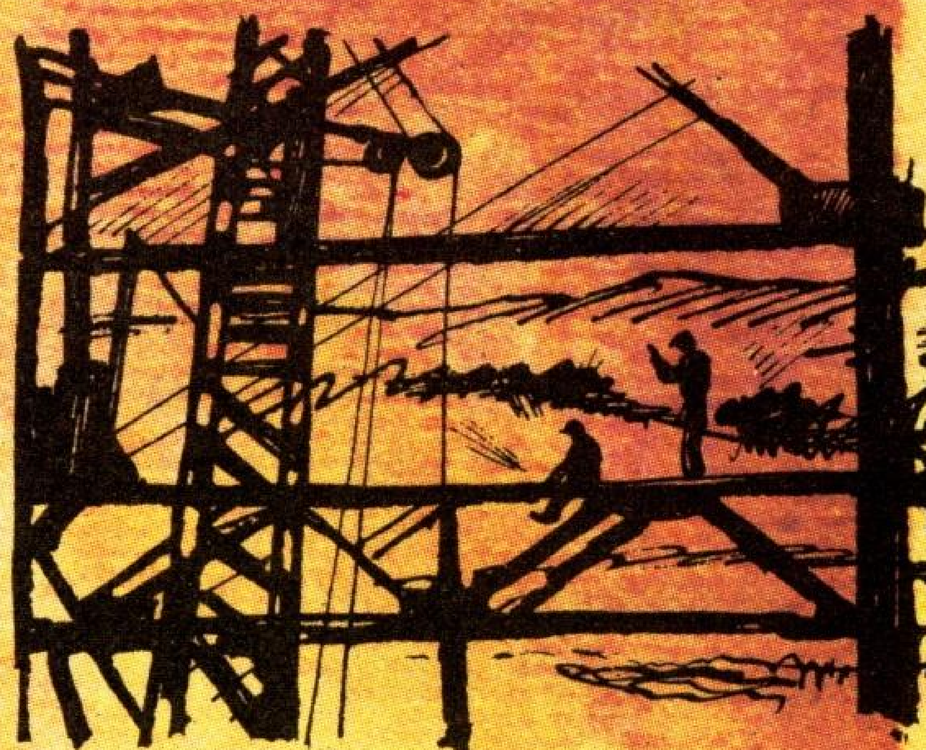
На страницах журнала «Пионер» за многие годы его существования было опубликовано много повестей и рассказов. И сейчас их авторы — детские писатели тоже хотят послать школьной библиотеке в Тынде книги со своими автографами.

Международный мастер Михаил Михайлович Юдович, который много лет ведет в журнале рубрику «В стране Шаха — Владыки черных и белых полей», поедет в Тынду, чтобы организовать в подшефной школе шахматный клуб.

Как видишь, почин уже есть. А ты, друг «Пионера», читающий эту страницу, хочешь вместе с нами дружить с тындинскими ребятами?

Адрес школы: Амурская область, г. Тында, школа № 8, совету дружины.

Ждем от тебя писем и донесений!

Станислав РОМАНОВСКИЙ

БАШНЯ НАД КАМОЙ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 1.

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

Патриархат или матриархат?

В тумане серой громадой возвышалась баржа, и вся она гремела от рева и топота овец.

Галя швырнула головешку в грязь. Огонь зашипел и погас. Обеими руками девочка схватилась за пеньковый трос, попыталась подтянуться, но в руках не было сил, и мешали отчаянные толчки сердца.

— Постойте-ка! — ласково сказал Галим.

Руками и ногами татарчонок оплел трос, быстро поднялся на баржу и как в воду канул.

Василий забеспокоился:

— Ладно ли с ним?

Отдуваясь, вскарабкался по тросу на баржу и тоже как в воду канул.

Овцы ревели еще сильнее, и что там происходит, было непонятно.

— Мальчики! — закричала Галя.

И забарабанила кулаками в гулкое железо, словно просила впустить ее в дверь.

А двери не было.

Сверху спросил голос Галима:

— Кто стучит?

— Я. Что там?

— Полезайте — все покажем.

Галя взялась за канат и пожаловалась:

— Не могу: у меня нынче руки несильные.

— Это она нарочно! — сказал с ликованием голос Василия.

— Нарочно, конечно! — вторил Галим.— Что, мы не понимаем, что ли?

Он еще что-то говорил, но овечий рев заглушал его слова. Неверие мальчишек в ее слабость и жалость к животным придали девочке силы. Она с трудом все-таки поднялась на баржу.

Мальчики запрыгали от радости.

— Вы нас проверяли,— ликовал Василий,— испугаемся мы или не испугаемся?

— Так или не так? — спрашивал Галим.

Галя сказала:

— Погодите.

Из железного провалища валил пар, и все стадо кружилось вдоль бортов — искало выход на волю.

— Пить хотят. Есть хотят,— качал головой

татарчонок.— Мой дедушка говорит: «Человек — сильный. Овечка — слабая». Если на волю не выпустить, падут овечки.

На корме лежали широкие тесовые сходни. Перегибаясь от тяжести, ребята опустили одну сходню на берег, а другую — на дно баржи. Овцы остановились и перестали реветь.

Но наверх ни одна не пошла.

— Что же это вы? — удивилась Галя.— Сами на свободу просились.

Галя и мальчишки по сходне спустились к стаду.

Здесь было трудно дышать и щипало глаза. Только привычка сельских жителей к запахам животных удержала их среди стада.

— Идите наверх,— уговаривала овец девочка.— Бяшки! Бяшки! Бяшки!

Овца, белая, как облако, шевелила пушистыми ушами, растопыренными в стороны, и ловила слова девочки: скажи, мол, еще чего-нибудь, а то мы давно человеческих слов не слышали.

Баран в дорогой каракулевой шубе качал закрученными в кольца рогами и говорил своим царственным обликом:

— Тяжела ты, шапка Мономаха!

— Что же это делается? Бяшки! Бяшки! Бяшки! — повторяла Галя и пальцами зазывала овец на сходню. Они недоверчиво прислушивались к ней и не двигались.

Как дальше-то быть?

Рядом оказался Галим и сказал:

— У них патриархат. Куда баран, туда и стадо.

Татарчонок пробрался к барану, обеими руками взялся за рога, рывком поднял царствующую особу с пола и под испуганное и возмущенное блеяние бараньих поклонниц рывками выволок барана на сходню.

Там баран опомнился, пригнулся и в ярости подбросил на рогах легонького Галима.

Галя завизжала от страха.

Но рога, закрученные в кольца, не причинили вреда мальчику. Болтая ногами в воздухе, Галим отлетел в сторону и, не удержавшись, сел на дно баржи. А огромный баран, обдав Галю кислым запахом и обиженно мотая головой, с громом взбежал по сходне и скрылся.

За ним одна-одинешенька протрусила Саламандра — так Галя прозвала овечку с головой ящерицы — и тоже скрылась.

Остальные овцы не тронулись с места.

Почему?

Галим поднялся с зацементированного пола.

— Как я лете-е-ел! — тянул он, и губы у татарчонка дрожали.— Маленько на тот берег не улетел. Чего они стоят?.. Овечки-то?..

— Не знаю,— разводил руками Василий.

В реве и кашле стада мальчики с надеждой смотрели на Галю, и она увидела, какие они оба маленькие. Материнская жалость объяла ее душу, а мысли девочки были спокойными.

На Галю внимательно смотрела белая овца — та самая, с растопыренными ушами, и в продольных зрачках ее был вопрос:

— Кто ты? Зачем ты с нами?

Девочка достала ломоть хлеба и подала его овце. Та забрала хлеб в темные мягкие губы и принялась жевать с закрытым ртом, как того требуют правила приличия.

— Понравилось угощение? — спросила Галя.— Сколько живу, а вкуснее хлеба не едала.

И зазывными движениями пальцев Галя поманила ее за собой, отступая к выходу. Девочка старалась выглядеть выше, чтобы ее все видели, и отступала она на цыпочках, как балерина на пуантах. Не переставая жевать, овца приближалась и с достоинством поднялась наверх. Была она чистая, ни пятнышка, ни соринки на ней.

Галя едва успела отскочить в сторону, как на выход с ревом и топотом хлынула вся отара и повлекла за собой белую овцу — Белую Предводительницу, как ее нарекла девочка. Овцы — в присохшей грязи и глине, в репьях, череде и всяких семенах — мчались мимо Гали, Галима и Василия, и блеяние животных сливалось в обвальный рев:

— А-а-а!..

Галим спросил Галю:

— Они «ура» кричат, что ли?

— У них слова-то такого нет,— рассудил Василий.

В тумане отара пила воду и хрустела тальниками. Около реки овцы виделись большими и мохнатыми, не привычными человеческому глазу существами. Отара напилась и двинулась вслед за Белой Предводительницей. Баран Крутые Рога шествовал в окружении поклонниц, и Саламандра теснилась к нему.

— У них никакой не патриархат,— с гордостью сказала Галя Галиму.— У них самый настоящий матриархат! Все идут за белой овцой. Куда она, туда и они.

Галим проговорил:

— Может, они договорились маленько? Она у него заместителем...

— Они не договаривались,— радовался Василий.— Они ни разу не поговорили друг с дружкой!

— А ты все-все видел? — ворчал Галим.— Все-все слышал?

— Не все, конечно.

— Они договорились, когда нас на барже не было! — воспрянул духом Галим.— Долго ли умеючи?

Отара перевалила каменную дамбу со столетними ивами, которые из-за сумерек походили на горы, и мимо мокрых строений, пахнущих жильем, вступила в овраг. Здесь было тепло, как в избе, и мало-помалу небо над оврагом стало проясняться и синеть. На овражном дне отара встретила три слабых родника и один за другим выпила их до дна, как ложками выскребла.

Овраг уперся в полукруглую стену — остатки древнего колодца, что столбом уходил

вверх. Над головами ребят в затишье перебирала листьями осина, словно жаловалась:

— Я бы еще поспала. А вы меня разбудили, полуночники.

Рядом с топким дном колодца, в вечной прохладе, блестела грива снега. Снег был не чисто белый, а с грязноватой желтизной. Овцы накинулись на него и стали лизать и грызть.

Насытившись, передние уступали место задним и по крутосклону бочком поднимались к небу, которое отсюда напоминало синюю реку.

Потихоньку все овцы ушли, и Белая Предводительница тихим блеянием пригласила людей отведать снега.

Галя взяла его в ладонь. Это была самородная крупная камская соль — бузун, которую исстари добывали в варницах по Каме. Девочка попробовала ее на язык. Соль как соль: горькая и вкусная. Девочка заглянула Белой Предводительнице в глаза и спросила:

— Как ты ее нашла? А я-то думала: снег.

Овца дохнула ей в лицо и заспешила вслед за отарой. Поднималась она легко, будто всю жизнь путешествовала по горам, и успеть за ней было невозможно.

Ребята хватались руками за траву и камни, скользкие от росы, сползали и все-таки поднимались все выше и выше.

Наверху, на плато, все трое зажмурились от солнца.

— Ой! Ой! Ой! Ой! Ой! — простонал Галим.— Не глядите вниз: голова закружится. Как я залез, самому не верится.

Василий, зажмурившись, отполз подальше от обрыва и только тогда открыл глаза. А Галя через плечо все-таки глянула вниз, где дно колодца виделось с пятачок, а соль — с копейку, закусила губу, заторопилась от обрыва.

И остановилась.

Прямо перед собой она увидела башню Чертово Городище. А вокруг, словно черные и синеватые облака, грудились овцы и с треском и хрупаньем ели степную траву — сладкую или солоноватую. Никто из них не кашлял и не жаловался на жизнь.

Чуть в сторонке стояла Белая Предводительница — охраняла стадо.

— Понятно,— сказал Галим.— Все понятно: у них матриархат. У нас, я не пойму, что?

— Не поймешь? — удивился Василий.

И не без гордости объяснил:

— Патриарха-а-ат! Забыл, что ли, чему в школе учили?

— Это в какой такой школе? — спросила Галя.

— В нашей,— тихо ответил мальчуган.

— В вашей? — Девочка возвысила голос: — Ты ничего не перепутал, Василий?

— А чего я должен путать?..

— Мы — люди,— провозгласила Галя.— У нас же равенство! Разве вас этому не учили в школе? Ни за что не поверю, что не учили.

Отара перевалила каменную дамбу со столетними ивами, которые из-за сумерек походили на горы.

Малыш спросил упавшим голосом:
— А патриархат — это у кого?
За Галю ответил Галим:
— Был патриархат. А теперь тю-тю!
И незаметно сделал знак товарищу: давай поговорим без свидетелей.
Дождавшись, когда Галя уйдет вперед, Василий вздохнул:
— Жалко.
— Кого жалко тебе? — спросил татарчонок и потребовал:
— Сказывай, сказывай!
— Патриархат жалко,— сказал Василий.
— Ну, и что бы ты с ним делал?
После молчания Василий ответил:
— Придумал бы...
Показал лицом на Галю и на Белую Предводительницу и пожаловался:
— Куда ни повернись — матриархат! А уж дома у меня... Без мамы шагу не ступи.
— От-ме-нят! — утешил друга татарчонок.
— Кого отменят? — не понял Василий.
— Матриархат отменят!
— А...
Татарчонок повел глазами в сторону Гали и предупредил шепотом:
— Ей только не сказывай.
— Что ты!
И друзья побежали догонять девочку.

Легенды Чертова Городища

Смелей твори Добро! Придет пора,
И ты узнаешь тоже вкус Добра.

Мухаммедъяр, древний татарский поэт, сторож кладбища.

Воздух накален. Спасаясь от жары, в тень башни сбились овцы. Тени отаре не хватает, и молодые овечки стоят, чтобы занимать меньше места и чтобы в прохладе могли отдыхать лежа старики и ягнята. Иные овцы прижались к холодным камням башни, а иные лижут их. Белая Предводительница припала к башенной стене, замерла и стала похожа на одушевленный камень, обработанный камнерезом — булгаром. А сама башня, на краю обрыва обласканная Белой Предводительницей, стала еще прекраснее. Сложенная из неровных камней, скрепленных раствором на жирном молоке степных кобылиц, она поседела от времени, но не постарела. Небо как нимб вокруг нее сгущается в синеву, и не сразу верится, что такая густая синева бывает.

Галя вспомнила, как учительница Валентина Федоровна говорила, что отсюда в город Елабугу ведет подземный ход — от Чертова Городища до церкви Покрова, в которую царь Иван Грозный подарил окованную серебром икону Трех Святителей.

И еще Галя слышала от учительницы и от других старых людей легенды о Чертовом Городище. Одну из них девочка сейчас рассказала мальчишкам.

...С большим войском нагрянул грозный Тимур в Прикамье, взял крепости, сжег города. А на раздорожье у Чертова Городища повелел поставить статую из мягкого камня с чашей в руках.

Прохожему и проезжему, русскому и булгарину надлежало кланяться статуе, а в чашу класть дань — чем дороже, тем лучше.

Шел по казанской дороге скоморох с Вятки Стафей, вел за руку сына Герасима семи лет, нес гусли на ремешке. Постоял Стафей перед статуей, почесал в затылке, сказал:
— Денег у меня нету. Не прогневайся.
Положил в чашу камень и пошел было дальше, но его схватила стража и говорит:
— Хоть бы серебряную гривенку положил!
— А золотую можно?
— Еще лучше.
— Дак дайте гривну-то. Я и положу. Долго ли?
Стража позвала кнутобойца. Он избил Стафея и отпустил его. Далеко идти Стафей не мог и остался ночевать в деревне Подмонастырке, что под горой Чертово Городище. Ночью скоморох встал, завернул серп в мешок и хотел выйти, да Герасим проснулся:
— Ты куда, тятя?
— Я-то? По траву, дитятко.
— Кому трава-то?
— Коровушке. Слышишь: ревет в хлевушке.
— Она день и ночь, что ли, жует?
— А ты как думал? По ведру молока дает одна.
— По ведру? Ну, ступай, тятя.
Сын уснул. Отец пришел под утро, принес в мешке голову статуи и чашу — он серпом их отпилил. Оставил мешок в сенях, никому ничего не сказал, лег спать.
Стража спохватилась, да поздно. Ни головы нет, ни чаши. Некуда дань собирать.
Тимур сказал стражникам:
— До захода солнца не найдете злодея — прощайтесь с жизнью. День ваш. Ночь моя.
Где искать пропажу? Велика земля русская...
Пока отец спал, сын проснулся, запнулся в сенях о мешок с поклажей, выкатил во двор каменную чашу и принялся сыпать в нее песок.
А по деревне ходила стража, и чашу она узнала.
— Что делаешь? — спрашивают стражники.
Герасим говорит:
— Я-то? В кашевара играю.
— Где чашу взял?
— Да нигде не брал. В сенцах она лежала.
— Там, поди, и голова есть?
— Тяжелая она больно.
Стража пошла с обыском, все нашла и

— Только не стращай меня, что я умру вскоре после твоей смерти,— сказал хан.

привела Стафея вместе с сыном к Тимуру в крепость на горе.

Хану было холодно, и в жару он кутался в стеганый халат.

— Чего это у вас так холодно? — спрашивает он пленников.

А Стафей и отвечает:

— Кому холодно, а кому жарко. Без причины да без привычки у нас и мед в жару не тает. И утка на озере не закрячет. И дитятко без мамки не заплачет! И петух на шесток не заскочит. И медведь до Ильина дня лапы не замочит! А рыба ходит по суху, а кошка по воде. Богатый ходит по миру, а бедный в борозде: с золотым плужком, в сапогах — не босиком! Радость к радости. Гости на гости! Пекла теща зятю блины: вот такой ширины, вот такой долины! Ох, до чего хороша у меня теща! Много лет посулила кукушка в роще...

— Погоди,— говорит хан.— А мне сколько лет накукует кукушка?

Скоморох дух перевел: как ответить?

А хан еще говорит:

— Только не стращай меня, что я умру вскоре после твоей смерти. Так меня уже стращали. Их давно нет, а я есть.

— Неправду сказать — не поверишь,— говорит скоморох.— А правду сказать — не простишь.

Кругом горят медные жаровни. Тимур требует:

— Правду говори! На нее только глупый обижается.

— Правду сказать: не загадывал я на тебя,— говорит скоморох.— Не просил кукушечку считать твои годы. Не догадался. Сейчас поздно: откуковала кукушка в Большом бору.

— Сам-то ты не гадаешь? — спрашивает Тимур.— Не загадываешь наперед?

— Загад не бывает богат. Я на гуслях играю.

Принесли гусли: основа сосновая, пеньки дубовые, струны звончатые. Ущипнул Стафей струны, и они громом грянули.

Повел Стафей старину:

У честной вдовы да у Ненилы
А у ней было чадо Вавила.
А поехал Вавила на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Еще белую пшеницу засевати.
Родну матушку свою хочет кормити.
А ко той вдове да ко Нениле
Пришли люди к ней веселые,
Веселые люди, не простые,
Не простые люди — скоморохи.

....

— Мы пойдем к Вавилушке на ниву,
Он не идет ли с нами скоморошить?

Поет-играет Стафей, а Герасим ему подпевает.

Слушают хан и его свита и ни словом не собьют песню, до того она хороша. Отец и сын поют-рассказывают, как скоморохи обучили

Вавилу петь и играть на гудочке, как Вавила, прежде чем идти скоморошить, с пахоты зашел к матери своей Ненилe — попросить у нее благословения.

...Еще тут честна вдова да тут Ненила
Еще стала тут да их кормити.
Понесла она хлебы-то ржаные —
А и стали хлебы-то пшеничны;
Понесла она курочку варену —
Еще курица да ведь взлетела,
На печной столб села да запела.
Еще та вдова да тут Ненила
Еще видит: люди не простые,
Не простые люди-то святые.
Отпустила тут Вавилу скоморошить.

Остановился Стафей подтянуть струну, а Тимур не дает:

— Чего встал посреди дороги? Дальше!

Стафей все же поправил струну, погладил Герасима по голове и говорит:

— Ты, сынок, отдохни. Дальше-то я один поведу:

А идут да скоморохи по дороге,
На гумне мужик горох молотит.
— Тебе бог помоч да те, крестьянин,
На бело горох да молотити!
— Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи!
Вы куда пошли да по дороге?
— Мы пошли на инищее царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекресу!..

Взвился голос гусляра, и так он ударил по струнам, что захрапели кони в конюшнях, чуя беду.

Тимур, темнея лицом, сказал:

— Дальше не старайся, мужичок! Знаю, чем твоя песня кончится. Не допеть тебе ее до конца. Зря ты поверил кукушке, скоморох.

И махнул рукой.

Стража увела отца и сына на казнь. А Тимур долго разглядывал гусли, ногтем стучал по дереву, хотел сам сыграть, да не вышло. Рассердился хромец, бросил гусли в огонь, и они загорелись. Струны срывались с пеньков и звенели: плакали.

Пошел Тимур поклониться могилам учеников пророка Магомета, что недалеко от крепости. Расстилал коврик, опускался на него и кланялся белым камням, под которыми лежали единоверцы. Просил хан благословения на новые походы:

— ...Москву не взял — столицу неверных. Один раз не взял, другой раз возьму. Аллах даст мне силы.

Молчали камни. Осыпались хлеба русских и булгарских селений. А хан лежал на коврике, и стража, боясь подойти к нему, не знала, жив он или мертв.

Но поднимался Тимур, нетвердыми руками, никому не доверяя, сам сворачивал коврик и при месяце выходил на раздорожье, где стояла новая статуя из мягкого камня с головой на плечах и чашей на животе.

Недалеко от нее увидел он на дороге скоморохов — отца и ребенка. Они держали свои отрубленные головы в руках и укоряли его:

— Почто с мечом пришел к нам на Русь? Почто казнил нас? Почто песню не дослушал, а гусли сжег? Почто?

Закрывал лицо руками Тимур, и не могла да и не смела отгадать стража, какой червь точит его сердце и почему жить хану осталось мало.

Утром седлали коней его всадники, навсегда покидая Русь. Птицы метались по небу, не зная, куда деваться от топота копыт; Кама покрывалась рябью; мелкие реки выплескивались до дна; трава обращалась в прах, а камни в пыль.

Понятно, эту старинную легенду Галя рассказала мальчикам не так, как я тут написал, а своими словами. А потом прибавила:

— Бабушка Матрена говорила мне:

«Ой, голубушка, что было-о-о! Как вспомню — вся в поту, вся в гусиной коже. Шла я в полночь мимо Чертова Городища. Навстречу военный. Весь — от сапожечек до фуражечки — в орденах. От грудей-то все блестит. От плечей-то все блестит. От поясу-то все блестит. И качается. И качается! Я говорю:

— Здравствуй-ко! Ты, никак, генерал?

Он говорит:

— Обозналась, баушка Матрена.

Тут я его и признала:

— Ты никак Саня Долганов?

— Ну.

— Ты моего племянника племянник же?

— Правильно, баушка Матрена. Мы маленько родня с тобой.

— Откудова,— спрашиваю,— идешь-то? Орденов-то у тебя сколько!

— Со сверхсрочной иду. В сержантском звании. Вот у меня тут всякие награды...

И я обомлела. Он чего-то говорит, губы шевелятся, а я не слышу. Ему не видно, а мне все видно: по дороге идут отец с сыном. Они! Они, родимые: Стафей и Герасим. Головушки свои в руках держат. Ой, как я перепугалася! Еще моей баушки баушка их видела. Вон когда! Вот и я сподобилась. Они поздоровались с нами и пошли в Танаевский бор. Саня и говорит:

— Это ребята из нефтеразведки. Арбузы на вахту понесли.

А я уж так перепугалася, так перепугалася. Ни «здравствуйте», ни «до свидания» не сказала. Язык не повернулся».

— ...Так они арбузы, что ли, несли? — спрашивают Галю Галим и Василий.— Нефтяники-то?

— Арбузы. А вы что думали? — в свой черед спрашивает ребят Галя.

Галим и Василий переглядываются и дружно отвечают:

— Мы так и думали: арбузы!

— Так и думали?

— Да-а-а...

Галя уходит вперед и рукой приглашает ребят подойти к обрыву.

Они подходят.

Отсюда, с орлиной кручи, распахивается камский простор.

Воля!

Внизу Кама изгибается мощной искрящейся дугой и, обегая зеленый Заячий остров, уходит в низовья, где над лукоморьем по горам синеет Танаевский бор, а белые камни-быки выходят из сосен, словно стадо на водопой, и плес становится златомглистым.

Левее, отступая от Камы за реку Тойму, много веков живет старинный город Елабуга. На его гербе издревле вычеканена прекрасная птица — дятел, как признание трудолюбия его жителей. Сейчас город в мареве по купола храмов и вершины тополей, будто в метелице, и она загустевает понизу.

Перед городом в лугах озера с краями полны светлой влаги, как чаши на пиру природы. Длинные тени от кустов и древес лежат по краям озерных чистоплесков, и отсюда ребята слышат, как дурманно пахнет в лугах осочный медовый воздух и как кружится от него голова. В это время в наших лугах цветут ирисы, и Галя никогда не срывала их, а только любовалась ими издалека: до чего они красивы.

Как просияло солнце!

Озера налились иным светом: драгоценно-синим, смальтовым и скоротечным. И Кама заголубела и засинела — вспомнила нечто очень хорошее и засмотрелась на этот мир, на который она глядит с его сотворения. Человек в лодке не кажется на Каме маленьким — отсюда, с высоты, он видится большим, плечистым, и голос его раскатывается до самых облаков:

— День сегодня мой!

В обычные дни видно тоже далеко, да не так. Изредка, как сегодня, выпадает редкостно ясная погода, и тогда миражами по краю неба вырастают дальние города. Белым ви́дением видится выше по течению город Челны. Вслушиваясь в его имя, Галя представляет белые челны, что выплывают на стрежень и пропадают в мареве.

Внизу при устье Тоймы видно Галину баржу — она пустая и сиротливая среди искр на воде и тальников. Почти бесплотный туман — Камино дыхание! — течет над плесом, среди храмов, лугов, синих лесов, что взяли в кольцо это раздолье. Там же, внизу, не смея подняться сюда, летают чайки и ласточки.

Где-то близко кричит орел — роняет клекот. И клекот этот падает не из поднебесья, а доносится из Танаевского бора. Голос он подает редко: только в малолюдье и в такие вот, редкостной ясности, дни, когда хочется петь от радости.

Хорошо-то как! Хорошо!

Нигде больше — только в Прикамье — найдены бронзовые изваяния птиц с простертыми крыльями и лицом человека на груди. Столько красоты и силы в этом лице! Оно одухотворено полетом, когда человек парит выше чаек и ласточек, и земля, и небо, и люди любят его.

Галя распластывает руки — широко, так что хрустят плечи.

Мальчишки смотрят на нее, и в глазах их Галя видит ожидание чуда.

— Папа приехал! — закричала Галя.

Внизу у баржи стоял катер «Орион» и гудел:

— У-уу-ууу!..

Ребята подняли овец, которые дремали в тени башни, и по пологой спине горы препроводили отару к устью Тоймы.

Отец поцеловал Галю, взял на руки, как маленькую, и неожиданно заплакал:

— Доченька...

Ни к кому в отдельности не обращаясь, Галим спросил шепотом:

— Чего это он?

Василий толкнул его в бок:

— От радости.

Капитан вытер слезы и сказал:

— У меня беда-то какая? Трос перетерло. В тумане не найду баржу с дочерью — и баста. Что будешь делать? Я уж и в Челны съездил, заодно отвез пассажиров. И там нет баржи! И у Гусиного острова искал, и в затоне, и на Кривуше. И гудел и людей расспрашивал. Нету. Да что это, думаю, Тихий океан, что ли? Кто тебе помог? Кто тебя выручил, доченька?

— Эти ребята,— ответила Галя.— Галим и Василий.

— А кроме?

— Кроме — никого.

Капитан сдвинул фуражку на лоб, почесал в затылке и сказал:

— Сходни спустили. Откуда сила-то взялась? Отарушку вывели промяться. А то погибла бы отарушка-то! Галя, ты им хоть помогала маленько?

— Маленько,— отозвалась девочка.

— Много! — уточнили Галим и Василий.

— А что вы ели-то? — спросил детей капитан. Татарчонок ответил за всех и не без гордости:

— Рака!

А Василий добавил:

— Галим поймал.

— Одного рака? — покачал головой капитан.— Это не еда.

— Мы еще картошку ели! — вспомнила Галя.

— Картошку? Картошка еще туда-сюда,— сказал капитан. Он вынес с катера двух копченых лещей и самого большого отдал Галиму, а другого, поменьше, Василию.

— Угощайтесь.

Потом ребята помогли капитану собрать отару и загнать ее на баржу. Овцы поднимались по сходне и часто кланялись. Гале показалось, что Белой Предводительницы среди них не было. Но радость оттого, что отец нашелся и все хорошо, заставила девочку

Поет-играет Стафей,
а Герасим ему подпевает.

скоро забыть про Белую Предводительницу, которая, наверное, здесь, в отаре, да не показывается.

— Как баржу поведем,— спросил капитан Галю,— на тросу или «под ручку»?

— Под ручку,— ответила девочка.— Чтобы с катера на баржу ходить можно было: овец проведывать.

Капитан подумал и рассудил вслух:

— Под ручку я баржу с мели не сдерну. На тросу поведем. Трос у меня запасной: стальной — не порвется...

Он посмотрел на ребят и снял фуражку. Волосы у него были короткие, как у старого боксера, выгоревшие добела, а глаза при солнце не синие, а голубые.

— Ну чего, мужики...— начал он, и голос у капитана дрогнул.— Ехать надо...

Галиму и Василию — каждому в отдельности — он бережно пожал руку и каждому в отдельности же сказал:

— Будьте здоровы.

Так же по отдельности с каждым из мальчишек за руку попрощалась Галя:

— Не скучайте тут без меня.

— Я не буду,— заверил Василий. А Галим понюхал подарок — копченого леща — и заявил:

— А я буду.

Василий тоже понюхал леща и поправился:

— Я, может, тоже буду...

Отец и дочь поднялись на катер «Орион». После хлопот катер стащил баржу с мели, повел ее на стальном тросе, повернувшись к ребятам правым бортом. Галя прощально махала красным флагом и что-то кричала.

Что?

Из-за шума двигателей слова девочки разобрать было нельзя, но Василий уверенно сказал:

— Хвалит нас.

— Кого? — насупился Галим.— Тебя одного, что ли?

Василий посмотрел на него и сказал:

— Нас всех.

«Орион» удалялся вверх по Каме, и за Заячьим островом его не стало видно. Ребята поднялись на гору Чертово Городище, чтобы дольше видеть катер «Орион» и баржу.

На горе они пробыли до вечера.

Здесь солнце было близко от ребят. Сухие стебли веночника слюдяно сверкали и розовели в его лучах. Казалось, солнце садится в розовые снега, которые дожили у башни до раннего лета, и они не жалеют о том, что сейчас уйдут в землю и дыханием растают в небе.

Сотворение планеты

Галя стояла в рубке около отца и время от времени с нежностью дотрагивалась до него, чтобы лишний раз убедиться, что отец здесь и больше не потеряется.

Оглаживая рукояти штурвала ладонями в несмываемом мазуте, отец улыбался и хмурился одновременно.

— Я считал, что во мне ни одной слезинки не осталось,— говорил он.— Не осталось — не надо. Тебя нашел — откуда они взялись? До этого последний раз плакал, когда маму провожали.

Упоминание о маме болью отозвалось в душе девочки. Она зажмурилась, пережидая боль, открыла глаза и увидела, как прямо по курсу надвигается белый город Челны — та его часть, названная Новым городом, которая много моложе Гали.

— Я буду звать его Новгородом,— решила про себя девочка.— Я знаю: Новгород уже есть. Там было вече, и Садко там был. Моя земля тоже старинная, и люди обживали ее тысячи лет. Новгород. Нижний Новгород. Новгород-Северский. Новгород-Камский. Ведь Новгород — это Новый город, правда?

У подножия города прикоснулись к бетонному причалу. Галя спустилась в камбуз за хлебом, чтобы вынести его Белой Предводительнице. Наверху ее едва не сбило с ног блеющее и бегущее овечье стадо. Девочка всматривалась в поток животных. Посреди него возвышалась большая голова барана Крутые Рога.

На причале стадо встречали погонщики-татары, и не сумела Галя ни одну из овец на прощание угостить хлебом, как отара потонула в бетонной пыли и ее не стало.

— Одно дело сделали,— сказал отец.— Теперь идем машину получать. По справедливости! Мы им — мясо, они нам — железо. Порожняком не ездим.

Надел парадную форму, прошелся бархаткой по ботинкам и застенчиво спросил дочь:

— Теперь на капитана-то похож маленько?

Галя искренне ответила:

— На капитана дальнего плавания.

— Ну, не очень дальнего,— сказал отец. Перед зеркалом он поправил фуражку с крабом и прибавил:

— Хотя — если на откровенность — как сказать...

Отец и дочь вступили в Набережные Челны, в Новгород. Его огромные дома, словно высеченные из белого уральского мрамора, впитывали солнце и отдавали тепло. Навстречу шли люди, в большинстве молодые, и рядом с ними отец выглядел не таким рослым.

Трамвай, красный, как снегирь, повез отца с дочерью по краю Новгорода вдоль заводских корпусов. Корпуса эти были очень длинными, и трамвай не мог одолеть их за один пробег, без передышки, и время от времени останавливался.

На одной из остановок отец и дочь вышли из трамвая, прошли через проходную и очутились в пустынном заводском дворе. Отец оставил Галю на скамейке и, уходя по делам, наказал:

— Тут будь.

— Буду,— пообещала девочка.

Кругом пахло горелым, а за стенами слышались вздохи машин и гремело железо. Гале казалось, что это пришли на водопой огромные коровы, пьют воду, вздыхают, трясут головами, отчего гремят железные колокола — ботала, привязанные за коровьи шеи. Девочке захотелось взглянуть на них.

Она прошла за железные двери. Пол здесь был земляной, как в деревенской кузнице, а потолок стеклянный, и пахло окалиной. Огненное тесто ворочалось в бадье, ходило волнами, подергивалось на гребнях темной синью и, стряхивая ее, остывало. Тесто это было густым, и если бы человек не горел в огне и умел хорошо стряпать, то из этого теста он мог бы сотворить краюху, блины-солнышки, жаворонков. С ними, выпеченными из хорошей муки, и сегодня в Прикамье встречают песенкой весну ребятишки:

Солнышко! Солнышко!
Выгляни на бревнышко.

Около огненного теста двигались люди в огнеупорных одеждах и глазастых огнезащитных очках. Они представлялись девочке огнепоклонниками, которые хранят много тайн, и тайны эти — добрые.

На Галиных глазах шло сотворение планеты, и девочка была очевидицей его. Огненное вещество бугрилось, на нем образовывались и пропадали долы, равнины, кратеры, и синие огни бегали по новорожденной планете. Синь эта была такой жгучей ярости, что девочка подумала:

«На планете Земля она такая бывает ли?»

Она вспомнила, как сгущалась небесная синь вокруг башни Чертово Городище. А озера, когда просияло солнце?.. Синие тени в марте на белом крупитчатом снегу, когда провожали маму...

Галя отвернулась от расплавленного металла, забирая открытым ртом воздух напополам с гарью, и на земляном полу, и на арматуре увидела голубей. Черные от промышленной копоти птицы лениво бродили по железу и по земле и что-то искали. Толстый голубь посматривал на Галю круглым, как шляпка гвоздя, глазом и вкрадчиво ворковал — клянчил милостыню.

— Что вы здесь не видали? — ахнула Галя.— Чумазые-то какие! Как трубочисты.

Она взяла толстого голубя в руки. Он был смирнее курицы, не улетел и даже не ворохнулся в ладонях, а замер, ожидая улучшений в своей судьбе. Далеко отстраняя голубя от платья, чтобы не запачкаться, девочка вынесла его из литейного цеха под солнце.

И увидела мальчугана лет шести, который снизу вверх наблюдал за ней. Он вынул палец изо рта и спросил про голубя:

— Отпустишь или продашь?

— А ты купишь?

Он кивнул редковолосой головой. Галя узнала в нем того мальчика, что с бабушкой

— Как баржу поведем,— спросил капитан,— на тросу или «под ручку»?

Матреной плыл на катере «Орион», рассмеялась и спросила:

— Сколько дашь?

Мальчик ответил:

— Рублевку.

— Он больно грязный,— сказала девочка.— Пусть сперва слетает на Каму искупается.

И изо всех сил подбросила трубочиста в солнце.

Голубь ударился об упругий воздух, от неожиданности чуть было не упал оземь, но выровнялся и захлопал крыльями так, что с них полетела сажа, винтом взвился в небо.

— Купаться полетел? — спросил мальчик.— Плавать-то он умеет? Он не утонет?

Отряхивая сажу с ладоней, Галя ответила:

— Он на мели будет купаться.

Мальчик сказал:

— Я тоже по дну руками плаваю.

— Молодец,— похвалила Галя и хотела уйти поискать отца, но по глазам мальчика поняла, что ему страсть как хочется поговорить с ней, и, смягчившись, спросила:

— Как тебя зовут?

— Игорек.

И опять Галя хотела уйти, но что-то сиротское в глазах мальчика удержало ее, и она еще спросила:

— Игорек, когда вырастешь, кем ты будешь?

Он ответил, не задумываясь:

— Машины буду принимать.

— Значит, шофером будешь?

— Конечно, шофером. А потом в армию пойду,— разговорился человек.— Буду солдатом.

— А потом?

— Моряком.

— А потом?

— Милиционером.

— А потом?

— Потом машину водить.

— А потом?

— Потом никем не буду. Просто буду дяденькой.

— А потом?

— Потом, наверное, дяденькой тоже буду. А мама моя тогда уже бабушкой будет.

— В школу-то ты еще не ходишь?

— Нет еще.

Он стал считать на пальцах:

— Вот зима будет, да? Потом весна. Потом мне будет семь лет. Вот уж я тогда в школу и пойду. Похожу, конечно, а потом шофером, что ли, буду? А пока побегаю.

Она погладила его по прозрачным редким волосам и сказала:

— Побегай пока на воле. Побегай!

Он убежал, и среди железных вздохов Галя пошла искать отца.

Ее догнал Игорек.

— Мамка тебе вынесла! — сказал он, задохнувшись, и протянул Гале бутылку молока и бумажный стакан.

— У меня с собой денег нет,— сказала девочка.
— Тут всем дают,— объяснил Игорек.— Бесплатно.
— За вредность?
— Ну.
Поколебавшись, Галя предложила:
— Давай на двоих?
Он поднял подол рубашонки, показал надутый незагорелый живот и сказал:
— Лишнего будет: я нынче вторую бутылку почал.
— Вторую бутылку?!
— Охота пить дак.
Галя с наслаждением выпила молоко, стакан за стаканом, и спросила Игорька:
— Мама-то где у тебя?
— Вон сидит.
Мальчик показал на стеклянную будку, около которой стояли люди. Галя сказала:
— Пойду бутылку отдам да спасибо скажу.
— Пойди, конечно.
Галя подошла к будке. Лица людей, что из бумажных стаканов пили молоко, были запавшие, и пахло от них окалиной, как от той планеты, которая родилась недавно в присутствии девочки.
Люди расступались, давая дорогу детям, и кто-то сказал про Игорька:
— Главный идет.
Игорек поставил на прилавок Галину порожнюю бутылку и стакан и, прежде чем девочка успела поблагодарить молочницу, сказал:
— Мамка, она тебе спасибо говорит.
— Спасибо,— подтвердила Галя.— Большое спасибо.
— Еще молочка? — предложила молочница.
— Лишнего будет.
— В такую-то жару?
Галя узнала молочницу. Это была та женщина с бирюзовыми серьгами, что ехала с Игорьком и бабушкой Матреной на катере «Орион». Сейчас в белом халате она походила на врача и с состраданием смотрела на девочку.
— Как мы по тебе плакали! — сказала она.— Одной на барже страшно было?
— По-всякому,— тихо ответила Галя и, попрощавшись, пошла на то место, на скамью, где они условились встретиться с отцом.
Тот пришел, запыхавшись, и выговорил:
— Куда ты делась, доченька? Я тебя ищу, ищу. Думаю: «Не дай бог, опять что случилось». Пошли машину получать!
Фуражку с крабом он весело сдвинул на затылок и рукой помахал Игорьку, который стоял у стеклянного киоска. Помахала и Галя.
В ответ Игорек и молочница, как с парохода при расставании, часто-часто замахали руками. Теперь Галя не сомневалась, что отец и эта женщина давным-давно знакомы.
Отец и дочь прошли в сборочный цех и очутились под высоким — почти таким же высоким, как настоящее! — стеклянным небом. В нем, как при заре, был разлит тихий и прохладный свет, и девочка, запрокинув голову, смотрела в это небо, сотворенное людьми, где летали ласточки. У Гали закружилась голова, и, чтобы не упасть, она схватилась за руку отца и передохнула, пережидая головокружение.
А кругом, как в лесу под ветром, сдержанно гудели железные деревья и роптали их железные листья... Нет, не деревья и не листья, а железные жилы, сухожилия, аорты оплели пол, стены и поднялись к потолку этого огромного помещения, конца которому не было видно, и в этих жилах текла своя живая кровь и давала жизнь всему цеху, отчего в нем перекатывался еле уловимый гром среди ясного дня и обещал вешнюю грозу.
Большой — больше отца! — седой, но совсем не старый человек подошел к Гале, нагнулся и, близко заглянув ей в глаза, сказал с некоторым удивлением в голосе:
— Здравствуйте, Галя!
Галя была рослой девочкой, но оттого, что незнакомец нагнулся перед ней, как перед маленькой, оттого, что он смотрел на нее с непонятным и таинственным удивлением, оттого, что он был такой большой и грузный, она заробела и прошептала еле слышно:
— Здравствуйте...
— Ты меня не помнишь? — с надеждой спросил незнакомец.
Она ответила неуверенно:
— Нет, наверное...
— Совсем не помнишь? — несколько огорчился великан.— А я тебя хорошо помню. Я к вам в Котловку на рыбалку приезжал. Ты была маленькой и уху переперчила — ложку в рот не возьмешь. А потом мы на Котловскую шишку ходили по орехи...
А отец прибавил виновато:
— Неужели не помнишь, Галя? Правда, где тебе помнить: ты вот такой была — от земли незнатко... Это Анатолий Георгиевич — начальник сборочного цеха... Главный!
— Да мы еще орехи с тобой кололи! — улыбался незнакомец.— Молотком. Твоя мама в печке их хорошо калила... Ох, и хорошо-то!
Сердце у Гали вздрогнуло... Она не помнила, когда и как переперчила уху... Но мама действительно, как никто другой, умела готовить орехи! Она очищала их от кислых оберток, клала на противень и ставила калиться в протопленную печь. Что там творилось! От подового жара ядреные орехи прыгали и барабанили по противню, а пустые рвались, как гранаты! Мало-помалу орехи стихали. Орехи стихали... Стихали? Стихали... И припоминания, неясные и обволакивающие, как теплый туман на лугах, коснулись души девочки. И в этих припоминаниях, когда мир был таким огромным, что и представить невозможно, среди позабытых лиц, запахов, звуков выплыло лицо человека, похожее на лицо Анатолия Георгиевича. Только тот человек — далекий Анатолий Георгиевич — не был

седым — это она помнит точно. А рядом с ним, заслоняя его и других, которых вспомнить она не смогла да и не успела, на миг оказалось и погасло прекрасное белое лицо мамы.

И Галя с благодарностью, ожегшей сердце, за то, что этот человек помнит ее маму, ее искусство готовить орехи, взглянула в его глаза с наивной надеждой увидеть в них нечто, что помогло бы ей хоть как-то вернуть то время, когда мама была жива.

Глаза Анатолия Георгиевича были синими, но не такими, не как у Галиной мамы или у Галиного отца — они были чуть выцветшими, выгоревшими... И все равно в них что-то было от того времени! Что? Сразу сказать было трудно... Может быть, вот эта доброта много пожившего человека, которая сродни материнской доброте? Великан очень обрадовался взгляду девочки и сказал::

— Узнала? По лицу вижу: узнала! Я постарел, а ты выросла... А все равно меня узнала... Твой отец попросил познакомить тебя с заводом. Разве старому другу откажешь? Пойдем, Галя, я тебе покажу, как рождаются автомобили. Вот это — линия главного конвейера. Его лента движется тихо-тихо. И течет долго-долго. Полтора километра. Настоящая железная река! Пока на реке никого нет. Никого... Никогошеньки! А вот появилась железная лодка — рама будущего автомобиля...

Действительно, на железной реке появилась черная прогонистая, как индейская пирога, рама и тихо поплыла дальше, а Анатолий Георгиевич, отец и Галя пошли вслед за ней. Они шли не торопясь, и по пути разные люди — по-видимому, рабочие или инженеры — нет-нет да и подходили к Анатолию Георгиевичу, о чем-то его спрашивали. Он отвечал им, а иногда огрызком карандаша что-то записывал в записную книжку с ветхой обложкой. В цехе шла своя сосредоточенная жизнь. А рама плыла и обрастала мостами, сердцем — мощным мотором, равным по силе целому табуну лошадей; серебряным воздухозаборником, чтобы остужать мотор в дороге; колесами и крепкой красной грудью — всем тем, что нужно для полезной и яростной жизни железного коня.

И вот в конце реки он стоит на десяти колесах — новорожденный, сразу взрослый, но еще беспомощный, как ребенок, и пока не знает, как будет жить дальше. Пока не знают и люди — им надо залить его бак горючим, послушать, как стучит стальное сердце, опробовать бег коня.

— Устала? — спросил Анатолий Георгиевич и большой ладонью, от которой пахло металлом, неприкасаемо погладил девочку по голове. Она улыбнулась ему: я, мол, не по стольку хаживала, — и опять с благодарностью, оттого что этот человек хорошо помнит ее маму, посмотрела на него затяжным, тихим взглядом и перевела этот взгляд выше, где под стеклянным куполом летали ласточки и стригли воздух крыльями. Казалось, что этот купол и есть настоящее небо, и выше его ничего нет. Но девочка знала, что над стеклом распростерто живое деревенское небо Прикамья — такое высокое, что самая отважная ласточка не решится взлететь в самую высь, к синему куполу, где по ночам пасутся две звезды: Акбузат и Кукбузат — Белая Лошадь и Голубая Лошадь...

Они вышли во двор под настоящее, немыслимо высокое небо, и во дворе, покрытом бетонными плитами, Галя увидела табун красногрудых коней — новорожденных автомобилей, только что сошедших с ленты главного конвейера. С некоторым удивлением они разглядывали этот мир выпуклыми младенческими глазами-фарами, и Галя вспомнила, что так же удивленно и приязненно разглядывает мир новорожденный теленок, качаясь на ножках-стебельках, окутанный парными запахами молока и соломы.

— Нравятся они тебе? — спросил Галю про автомобили Анатолий Георгиевич, и опять в его глазах ей припомнилось или домыслилось выражение вдумчивой доброты, которое некогда жило в маминых глазах, и, боясь, что оно пропадет, Галя торопливо ответила:

— Очень нравятся!

— Еще бы, — улыбнулся Анатолий Георгиевич. — Наши автомобили всем нравятся. Весь земной шар на них перевозит грузы...

Он сказал это с сокрытой гордостью, и эта спокойная, нехвастливая гордость за свой завод, равного которому нет в мире, за рабочих — Галиных земляков, таких же сильных и добрых, как Галин отец, мгновенно передалась девочке, и острый холодок прошелся у нее по спине.

Девочка дотронулась до руки Анатолия Георгиевича и попросила:

— Приезжайте к нам в Котловку. На рыбалку. По орехи...

— Поспеют — обязательно приеду, — пообещал он. — Сейчас какие орехи? Вот маленько посвободнее буду — каждый месяц буду приезжать.

— А будешь ли? — усомнился Галин отец.

Анатолий Георгиевич сказал не очень уверенно:

— Буду.

За руку попрощался с отцом, Галю погладил по голове и сказал:

— Растите дальше, Галина Александровна! Будете?

— Буду, — твердо ответила девочка.

— А я не сомневаюсь, — сказал Анатолий Георгиевич. — Хорошо мне с вами, да работа ждет. Слышите: зовут. По-бе-жал!

Он ушел. Галя показала рукой на автомобили и спросила отца:

— Какой в Котловку повезем?

— Из этих — никакой. Наш автомобиль на барже дожидается. Анатолий Георгиевич давно распорядился его на пристань отправить. А эти — чего? Эти — кони необъезженные. Они людей только-только в глаза увидели. Пошли,

Прибежала бабушка Матрена, заахала, заохала и принялась рассказывать:—...Иду я по базару и ничего не вижу. Все плывет, все качается.

дочка, на пристань, пока солнышко не село.

Опять по широким улицам Новгорода навстречу капитану и дочери с разговорами шли жители Набережных Челнов, в большинстве молодые люди, но теперь они не казались Гале такими недосягаемо рослыми, как прежде. На ходу отец показал на свои пыльные, как в муке, ботинки и пожаловался:

— Вид потеряли.

— Тут недолго осталось,—сказала Галя.

— Недолго, а все-таки,—ответил отец и пообещал:

— Бархотку буду с собой брать.

У причала их дожидались катер «Орион» и баржа. В ее полом нутре смирно стоял большегрузный автомобиль—красный конь на десяти колесах. От него пахло краской и новым, недавно отлитым, отшлифованным и хорошо смазанным металлом. А две фары—два выпученных глаза из стекла—в сумерках старались разглядеть свое будущее.

— Новорожденный,—ласково сказал про него отец.—Только что с конвейера. Из пеленок, и—сразу взрослый. А у нас, людей... Эх! Да что там... Вот бабушка Матрена—вроде бы не ребенок. А на самом деле—дитя малое, неразумное. Я бы хоть сейчас уехал, да она—пропадущая!—просила подождать.

Пока ждали бабушку, Галя обнаружила на плитах причала оттиски овечьих следов, затвердевшие в бетоне, а рядом—оттиски следов человека, обутого в сапоги с рубчатыми подошвами.

«Их теперь никакой дождь не смоет,—подумала девочка.—Их найдут археологи через тысячу лет, когда из построек сохранится, быть может, одна башня над Камой... Эти бетонные плиты выставят в музее, и люди будущего доподлинно узнают, как жили мы на исходе двадцатого века и все время торопились куда-то...»

— Все куда-то бегут, куда-то едут,—сказал про следы отец и заулыбался.—Мы-то понятно куда: в гости к теще. А остальные?

— К какой теще?—насторожилась Галя.

— Ты чего?..

— К какой теще?

— Шутка есть такая дорожная. Мужчина в поезде... или, там, на самолете... на пароходе удивляется: «Куда это все едут? Я-то понятно куда—в гости. А остальные?» Вот и все... Но и у остальных тоже дела есть, правильно?

Галя не ответила.

Она смотрела на закатный Новгород на берегу Камы. Он вырастал из степи, из развороченной земли—алебастрово-белый, таинственный город. Его еще не было на свете, когда Галя научилась ходить... Когда свершилось его сотворение? В бетонной пыли, белесой и красноватой, клубилось солнце, и сюда из Новгорода наплывал ветер сладкой гарью литейных цехов и запахами донника, полыни и перекати-поля, который в наших местах по-старинному зовут чертогоном.

— Бабушка Матрена бежит! — воскликнула Галя.

— Она шагом-то не может, — сказал отец. — Всю жизнь бегом. Несет что-то. Она с пустом никогда не ходит.

Прибежала бабушка Матрена, увидела Галю, заахала, заохала, запричитала было, но спохватилась и принялась рассказывать:

— ...Иду я по базару и ничего не вижу. Все плывет, все качается. Чего покупать, не знаю. Знать-то я, конечно, знаю, да не соображу. Все кричат, все за руки дергают. «Кавказская шерсть, мягкая, пуховая, не кусается!» А я о нее все руки околола. «Малина! Малина! Сама себя хвалила!» А у меня ее полон палисадник. Кричат: «Персидские ковры дают!» А мне — умри, да купи персидский-то ковер! Прибежала, ничего не вижу. Все блестит. Все качается. Все ковры с павлиньями. Павлин красный, с короной, а хвостишко веером. И все перья на хвосте с синими глазищами. Я тихонько спрашиваю продавщицу: «Доченька, а без павлиньев нету?» Она так посмотрела на меня и говорит: «Для кого нет, а для кого есть». Вот.

И бабушка Матрена торжественно развернула покупку.

Ковер был плюшевый. По золотому полю бродили алые олени — олениха и олененок. А за ними во весь ковер синело атласное небо.

Олени Гале очень понравились. Они рассматривали девочку и тянули к ней круглые носы, словно хотели обнюхать ее. Бабушка шевелила ковром, и солнце дрожало на нем, отчего олени шевелились, как живые.

Отец ушел заводить машину.

— Ох, и везет мне нынче, — говорила бабушка Матрена и прислушивалась к голосу двигателя. — Думала: персидский ковер не достану — достала. Думала: на катер не поспею — поспела. Вот такая я крестьянка — везучая. Так, видно, мне на роду написано?

— Конечно, — согласилась девочка.

— Едем никак? Больно мне домой-то попасть охота.

Галя призналась:

— А мне-то уж как охота!

— Ой, не говори.

Девочка смотрела на окна высоких домов, в которых загорались огни.

— Кто это днем с огнем сидит? — устало удивлялась она. — Глаза свои не жалеет? При свете свет жжет?

— Ой, не говори, — вторила бабушка Матрена. — Поедем мы или нет?

Яркая, как при сотворении планеты, синева густела между домов Новгорода, в тихих долинах улиц, когда катер «Орион» с баржей «под ручку» пошел вниз по Каме. Коричнево-бурая, глинистая вода вспухла буграми, завивалась бурунами, дышала в лицо и обещала долгожданную пристань.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

САМИ О СЕБЕ

Победа над собой

Наш пионерский отряд 7 «Б» класса представлял Армянскую ССР в финале «Зарницы». А начался последний день этого финала для меня так.

— Гаяне, проснись же! Подъем! — будит меня Аня из нашей команды.

— Который час?

— Три минуты седьмого.

Я вскакиваю, натягиваю физкультурную форму и бегом на зарядку. После нее взлетаем на второй этаж «казарм», берем сухие пайки и «оружие». Мчимся на плац. Мальчики уже там, ждут нас.

Командир нашей роты дает команду: «Направо! Шагом марш!»

Куда идем? Почему так рано? Единственное, что знаем: сегодня будем участвовать в «бою» под кодовым названием «Тульский рубеж».

Все время звучит голос комроты: «Подтянись!» К счастью, сегодня мелкий дождь. Под солнцем такой темп при нашем «вооружении» — тяжело. Замечаю, у замполита Гали сил больше нет. Но виду Галя не подает. При каждом шаге «гранаты» бьются друг о друга, «автомат» врезается в лопатки, невыносимо тяжелым стал противогаз.

Наконец объявляют завтрак. Потом опять марш-бросок, и наш взводный по рации принимает команды комроты и передает их нам: "Газы!», «Самолеты!», «Автоматы к бою!», «Бегом марш!» После того, как мы в очередной раз «целуемся» с землей, я замечаю, что идем по болоту. Я и Галя отстали. Рывок — и мы с отрядом.

А взводный уже объясняет дальнейшую задачу, не обращая внимания на то, что мы дышим, как паровозы. Но выполнять задачу мы готовы.

«Бой» еще не кончился. Я знаю, в нем мы можем не быть победителями. Но в бою с собой уже победили.

Гаяне АЗАРЯН,
г. Кировакан, Армянская ССР.

Встреча в Ленинском зале

23 ФЕВРАЛЯ В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ ОТКРЫВАЕТСЯ XXVI СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Петроград. 25 октября 1917 года. Роман Романович Крастинь среди красногвардейцев у Смольного (третий справа).

В дни, когда вся страна готовилась к XXVI съезду Коммунистической партии, в Ленинский зал Дворца пионеров пришли московские школьники. Пришли, чтобы послушать рассказы коммунистов—тех, кто в разное время был делегатом партийных съездов.

Такие встречи не редкость в школах и на заводах, но в предсъездовские дни их было особенно много. Сегодня ты участник встречи, которая проходила во Дворце пионеров и школьников на Ленинских горах.

Я не представлял себе, как жить иначе

Рассказывает ***Роман Романович КРАСТИНЬ,*** *член партии с апреля 1917 года, участник Великой Октябрьской социалистической революции, делегат X съезда РКП(б).*

С тех памятных, незабываемых лет у меня сохранился вот этот снимок.

Посмотрите—мы, красногвардейцы, сфотографировались у Смольного в день вооруженного восстания, 25 октября 1917 года. На правом фланге можно разглядеть человека в кожаной куртке с карабином. Это я, Роман Крастинь, путиловский рабочий, командир подразделения красногвардейцев... Да, в семнадцатом году я участвовал в вооруженном восстании в Петрограде, охранял Смольный, штаб революции.

Я и не представлял себе, как жить иначе. Вся моя жизнь была связана с революцией, с нашей партией. И когда восстание закончилось победой и встала задача отбить атаки контрреволюции,—я вместе с другими рабочими-путиловцами ушел на фронт. Прошел с боями по всей нашей огромной стране, которую надо было, не жалея сил, не щадя жизни своей, защищать от белогвардейцев, от всех, кто был против рабоче-крестьянской власти.

И мы защитили, отстояли свою власть!

В 1921 году меня выбрали делегатом на X съезд партии от 13-й Сибирской кавалерийской дивизии.

На съезде обстановка была приподнятая. Тогда мне в третий раз довелось видеть Владимира Ильича Ленина и слушать его выступление. Ленин не скрывал, в каком тяжелом положении находится страна. Голод. Разруха. Многие заводы стояли. Но Ленин верил в победу и вел нас на борьбу с разрухой. Он сказал, что мы впервые собрались на съезд партии на **свободной** территории, что нет уже на нашей земле вражеских армий!

Но контрреволюция нас в покое не оставляла ни на минуту, и в дни съезда в руках мятежников оказался Кронштадт.

Вместе с другими делегатами я добровольцем пошел на фронт. Войска были подготовлены основательно, и Кронштадт снова стал советским.

Этот X съезд партии мне особенно памятен: им руководил Владимир Ильич Ленин. И я счастлив, что был тогда среди делегатов...

Хочу пожелать вам, дорогие ребята,—учитесь у Ленина, читайте Ленина, растите достойными дела Ленина!

Готовьтесь продолжать дело старших

Рассказывает ***Анатолий Михайлович ПЕГОВ,*** *заместитель начальника Главного архивного Управления при Совете Министров СССР, делегат XVIII, XIX, XX и XXI съездов КПСС.*

На долю нашего поколения выпало тяжелое испытание—война.

Мне было доверено—еще в предвоенные годы—руководить московской организацией комсомола. Комсомольцы, как всегда, выступали запевалами многих дел. Они участвовали в строительстве ВДНХ, завода

малолитражных автомобилей, строили московские набережные и мосты, прокладывали метро. Своими руками создавали новую, социалистическую Москву. И вдруг — мирная комсомольская, интересная жизнь была нарушена. Война... Все пришлось перестроить на защиту, на оборону, все для того, чтобы разгромить фашистов...

Московский комсомол дал многих героев. И среди них первой была школьница 201-й московской школы Зоя Космодемьянская. Я хорошо помню, как она, худенькая девушка, пришла к нам в горком. Пришла и сказала: я хочу бороться с фашизмом. Мы ей говорим: подумай, это же очень опасно — идти в тыл врага. И мы ей тогда отказали. Но на второй день она снова пришла. И снова говорит: хочу бороться с фашизмом!

Я не буду рассказывать, что было дальше. Вы все это хорошо знаете. Зоя добилась направления на фронт, пошла в тыл врага и совершила свой бессмертный подвиг... Вот так героически защищали московские комсомольцы нашу столицу, не щадили своих молодых жизней...

Мы, советские люди, знаем, что такое война, и мы говорим всем: надо обеспечить мир! Я был делегатом трех послевоенных съездов партии и помню, как с трибуны звучали призывы к миру. Все мы знаем, как последовательно осуществляется в нашей стране Программа мира — вот уже тридцать пять лет мы живем без войны.

Готовьтесь и вы продолжать то, что создано старшими поколениями, то, что они отстояли и сберегли для вас. Любите свою Родину. Не бойтесь никакой работы, будьте в самой гуще пионерских дел. Желаю вам большой прекрасной жизни!

Учитесь на совесть, по-коммунистически!

Рассказывает ***Антонина Николаевна СУРУДИНА,*** *директор 38-й школы Гагаринского района Москвы, делегат XXV съезда КПСС.*

Пять лет назад я представляла учителей Москвы на XXV съезде нашей партии. Много было впечатлений от съезда, добрых впечатлений от встреч с людьми — космонавтами, рабочими, учеными. Но самое главное — задачи, которые съезд поставил перед нами.

Леонид Ильич Брежнев в Отчетном докладе говорил и о школе. Он сказал тогда, что в наши дни школа должна давать ученикам не только большой объем знаний, сумму фактов. В школе должно быть заложено **умение учиться всю жизнь!** В современных условиях, когда наука и техника развиваются невиданно быстро, учиться приходится всю жизнь. Какую бы ты ни выбрал специальность, тебе обязательно придется работать с книгой, слушать лекции, заниматься в библиотеке, быстро схватывая самое важное, самое новое.

И мы в нашей школе, как и во многих других школах, стараемся теперь работать по-новому. Мы поставили перед собой задачу помочь ребятам лучше овладевать секретами школьного труда, так, чтобы эти навыки пригодились потом во взрослой жизни.

Начать свою работу мы решили с младших классов и в помощники себе взяли науку.

Все ребята в школе получили вот такую тоненькую брошюрку — «Учись учиться. НОТ младшего школьника». Она есть сейчас в каждой семье. Да, родителей мы тоже включили в общую работу. Они, скажем, должны обеспечить школьнику удобное рабочее место: чтобы стол и стул были нужного размера, и чтобы лампа стояла, как надо (в дальнем левом углу), и учебники лежали всегда на своих местах... Казалось бы, это мелочи, но именно с таких мелочей в каждой профессии начинается научная организация труда.

А школьный труд не менее важен для нашей страны, чем труд сталевара или тракториста! Значит, важно и то, как он организован сегодня. Важно все — как ты складываешь вечером книги в портфель, успеваешь ли утром позавтракать, всегда ли хватает времени на уроки, удается ли вам всей семьей отдохнуть в воскресенье... Для старших школьников в памятке есть свои разделы: как готовить реферат, как работать над произведениями В. И. Ленина, как участвовать в дискуссиях.

Главная работа, конечно, все равно остается на плечах учителей, но и ребята помогают в улучшении школьного труда. Младшие, например, проводят хронометраж уроков. Они выясняют по минутам, где мы теряем драгоценное время и почему. Так они приучаются анализировать свою работу, находить ошибки и избегать их.

Наши школьники должны учиться сознательно, на совесть, — так, как на совесть работают их отцы и матери. И замечательно, что в канун XXVI съезда московские школы выступили с призывом жить по-коммунистически, а значит, и учиться по-коммунистически. Это ведь и есть основные принципы нашего общества.

Мы все — труженики нашей Родины, и вы, ребята, тоже. Ваша учеба, ваш труд в школе и на субботниках, ваша летняя трудовая четверть — все это важный вклад в общее дело.

Желаю вам вырасти достойными гражданами нашей Родины!

Р. Р. Крастинь: *«Я был красногвардейцем в семнадцатом году, участвовал в охране Смольного».*

А. М. Пегов: *«Весь народ встал на защиту Родины!»*

А. Н. Сурудина: *«Наша дружина каждый год подтверждает звание правофланговой».*

Фотографии П. АСАУЛЬЧЕНКО.

Ю. А. ТИТОВ. **«Таежный десант».**

Барот ИСРОИЛ

Когда летишь над тайгой

Озера светятся внизу —
Не больше, чем вода в тазу.
Присмотришься —
в зеленой мгле
Земля, как карта на столе.
В пересечении дорог
Расположился городок,
Его пересекая,
вдаль
Уходит наша магистраль.
Течет сибирская река
На север.
Мимо облака
Плывут.
Я жду: Байкал вот-вот,
Как рыба
на крючке,
блеснет.
Кругом, куда ни кинешь взгляд,
Леса бескрайние лежат...

Ю. А. ТИТОВ. **«Лагерь изыскателей».** (Фрагмент.)

Евгений АНАНЬЕВ

Десант в Новом Уренгое

Такое бывает нечасто: на бескрайней территории Тюменской области почти рядом стоят два селения с одним и тем же названием — Уренгой.

Просто Уренгой — небольшой поселок геологов, открывших самое крупное на нашей планете месторождение природного газа.

И Новый Уренгой — молодой город добытчиков этого газа.

...Когда начинался Новый Уренгой?

В ту вьюжную зиму 1974 года, когда первый санно-тракторный поезд прошел по целине и на берегу тундровой речушки был вбит колышек с табличкой: «Здесь будет город заложён»?..

Или весной 1978 года, когда в апрельские дни дала первый газ Уренгоя установка № 1 — настоящий завод в пустынной тундре?.. А в Кремлевском Дворце съездов в эти же дни делегаты XVIII съезда комсомола отправляли в Новый Уренгой Всесоюзный комсомольский строительный отряд, и его командир Павел Баряев докладывал: «Отряд к трудовым боям готов!»?

Или спустя несколько дней, в ту памятную первомайскую ночь, когда в Новом Уренгое высадился комсомольский десант?..

Маленький заснеженный аэродром той ночью не уступал столичным бетонированным громадинам. Через каждые пятнадцать минут на летное поле приземлялся новый самолет Ан-24. С песнями выходили молодые бойцы отряда: москвичи, куйбышевцы и туляки, представители Эстонии, Украины и Башкирии. Разбирали рюкзаки, становились в строй. И уже трепетал на ветру самодельный плакат:

«Не расстанемся с тобой,
Уренгой!»

Командир был весь в хлопотах. Широкоплечий, чуть выше среднего роста, еще не потерявший армейской выправки, он как-то уверенно вписывался в здешний неуютный пейзаж. И хотя он тоже был новичком, ребята сразу почувствовали в нем вожака.

Через три часа весь отряд был на месте. А еще через три часа бойцы Всесоюзного комсомольского строительного отряда вышли вместе со всеми новоуренгойцами на первомайскую демонстрацию. Впереди, как и на съезде комсомола, шел командир Павел Баряев.

По комсомольской путевке

В юности, как и все парни его возраста, Павел мечтал о дальних путешествиях, о неведомых странах. А жизнь текла обычно: сельская школа в Куйбышевской области, учебная практика на совхозных полях, занятия на курсах шоферов. Первое в его жизни путешествие было связано со службой в армии.

Он попал в погранвойска, на высокогорную границу с Афганистаном. Сурова красота Памира. Сурова и служба на границе — ежедневная, напряженная, не знающая разницы между днем и ночью. Он ходил в дозоры, таился в секретах. Начал с рядового, окончил службу старшиной пограничной заставы.

В ту пору завязалась дружба пограничников с тюменцами. На заставы приезжали представители нефтяных и газовых городов. Приезжали и из приполярного Надыма, даже свой ансамбль «Ири» прислали. Но важнее концертов были письма демобилизованных солдат, год назад уехавших в Надым. Они писали, что приняли их хорошо, работы хватает, заработки приличные. А главное — город на глазах растет.

Павел прибыл в Надым со второй группой пограничников, в 1972 году.

...Надо же так совпасть — железнодорожный путь

Павел Баряев, строитель, депутат Верховного Совета СССР, лауреат премии Ленинского комсомола.

с государственной границы на тюменский север шел точно через станцию Кинель. Выскочил Павел на перрон — все знакомое: и водонапорная башня на краю станции, и привычные палисадники. Садись в попутный автобус, и через тридцать километров — родное село Георгиевка, отчий дом, где не был два года... Но не в его правилах подводить товарищей — решили все вместе ехать по комсомольским путевкам в Приполярье, в город газовиков Надым. Уже оттуда Павел написал родителям. Мать после этого два года не могла смириться: «Ну, что тебе этот Север дался? Дома работы не хватит?» Потом поняла: молодости свой полет нужен, силы свои попробовать...

В Надыме бывшие пограничники стали плотниками-бетонщиками. Павел попал в бригаду Владимира Шевцова, опытного строителя, поднимавшего города Урай и Сургут. В скором времени Баряев овладел плотницким делом, кирпичной кладкой, бетонированием. И когда Шевцов уехал из Надыма, ребята выбрали Павла бригадиром. Жизнь потекла своим чередом. Павел женился, у них с Таней родилась дочка Наташа. Ждали квартиру.

Здесь же, в Надыме, произошло еще одно важное событие в его судьбе — Павла приняли кандидатом в члены Коммунистической партии. Словом, жизнь в Надыме становилась прочной.

И вдруг...

Областная комсомольская конференция выбрала Баряева делегатом на XVIII съезд ВЛКСМ. А на следующий день состоялся неожиданный разговор:

— На съезде будет создан Всесоюзный комсомольский строительный отряд. Предлагаем возглавить его и переехать с отрядом в Новый Уренгой. Задача: построить молодежный город на самом крупном в мире газовом месторождении.

Поначалу Павел растерялся:

— Разрешите подумать.

— Завтра утром ждем ответа.

Ох, непростой была та ночь в тюменской гостинице! Павел уже привык к Надыму, к ребятам из своей бригады. А тут все снова, с другими, незнакомыми людьми... Зато город начинать с самого нуля — об этом всю жизнь вспоминать будешь! И опять общежития, вагончики... Как Таня отнесется к такой перемене? Наверное, огорчится... Но ведь она тоже строитель! Разве ей неинтересно поднимать свой город? Нет, поймет Татьяна, она ведь надежный человек.

— Согласен,— сказал Павел наутро.

Так оказался он в северном десанте.

Атака на первый этаж

Еще в пути со съезда бойцы отряда азартно обсуждали, как встретит их Новый Уренгой. Они уже были наслышаны о заполярных майских буранах. Они видели себя живущими в палатках среди снегов. И были заранее готовы к любым испытаниям.

Но получилось по-другому. Хозяева постарались на совесть — приготовили для отряда новехонькое благоустроенное общежитие. Построили даже специальную столовую — ее до сих пор называют в Новом Уренгое «комсомольской». Теперь только работать — изо всех сил, чтобы делом ответить на радушную встречу.

Испытание ждало их совсем с другой, неожиданной стороны.

Работы не было.

То есть кое-какая работа была, но совсем не та, ради которой они ехали за тысячи километров на Крайний Север. Надо было готовить дранку, строить водоспуски на дорогах. С тоской глядели ребята на тающие запасы леса и кирпича.

В чем дело? Нужно знать местные условия. Край далекий, дорог нет. Лишь в летнюю пору, когда вскрываются ото льда Обь и другие реки, приходят караваны тяжелогруженых судов. За два-три месяца они должны обеспечить эти края всем: от иголок до железобетонных панелей. А пока... Месяцы перед навигацией бывают самыми скудными.

— Нет худа без добра,— сказал Павел, выводя свою бригаду на первый дом.— Материала маловато, темпов не дадим, зато делу подучиться можно. Руку поставить, приемы освоить.

В августе—сентябре пришли баржи с лесом, в ноябре наладился стокилометровый зимник. 18 ноября бригада вышла на второй свой дом — № 25. На стройку приехал начальник управления Валерий Васильевич Трушин.

— Ну, ребята, каникулы кончились! — весело объявил он. — Возьметесь к декабрю этаж сделать?

Плотники засомневались. Первый дом чуть не полгода вели, а тут — этаж за двенадцать дней!

— Беремся,— веско подвел итог бригадир.

И пошла-поехала горячая работа. Разделились на две смены, в ночное время включали прожекторы. Поставили тепляк для обогрева от морозов, тут же кипел крепкий до черноты чай. Словом, дни были штурмовыми — ни сил, ни времени ребята не жалели. Таяла гора бруса, поднимались стены нового здания.

Начальник управления придирчиво принимал работу. Наконец признал:

— Все нормально. Готовьтесь такими же темпами поднять и второй этаж.

И хотя потом было еще много домов, атака на

первый этаж запомнилась всем. Именно здесь бригада почувствовала силу и уверенность в себе.

Прошло два года. Отряд, где командиром Павел Баряев, построил двадцать жилых домов и общежитий, библиотеку и детскую музыкальную школу, амбулаторию и спортивный комплекс, столовую, магазин и овощехранилище. Создано первое пятиэтажное общежитие. В домах, построенных Всесоюзным комсомольским строительным отрядом имени XVIII съезда ВЛКСМ, уже живут три тысячи первоселов Нового Уренгоя.

Через год после прибытия в отряде состоялось примечательное партийное собрание. Впервые в его повестке значился прием в партию. Принимали командира. Много добрых слов услышал он в тот вечер от товарищей. А следом за ним стали коммунистами еще двадцать два комсомольца. Семерых ребят уренгойцы выбрали депутатами местных Советов. А когда прилетел в город второй комсомольский строительный отряд — «Молодогвардеец», ему в помощь направили бригаду девчат-отделочниц из отряда-ветерана. И командиром «Молодогвардейца» стал бывший плотник бригады Баряева Володя Есипов.

...Отряд-ветеран, прибывший с комсомольского съезда, не постарел, не распался в трудных северных условиях. Он живет, работает, помогает новым бойцам. Отряд по-прежнему в комсомольском строю. И в этом немалая заслуга командира.

Государственный человек

...На крылечке конторы управления Павел остановился. Ну, вот и отпуск. Долгожданный после длинной непростой зимы. Теперь только собраться к завтрашнему утру. Он усмехнулся: в первые годы за полчаса собирались.

Отправляясь в дальнюю поездку, Павел всегда

внимательно оглядывал Новый Уренгой. И, возвращаясь, всякий раз обнаруживал какие-то изменения: то новый дом, то отрезок бетонной дороги, то на худой конец просто забор. Значит, начинается очередная стройка. От этого родной город виделся ему всегда молодым, шагающим вперед...

Дома царила веселая предотъездная кутерьма, когда вытаскиваются и прячутся разные наряды, когда разбираются чемоданы, рюкзаки и прочие принадлежности для путешествий.

— Паша, вещички собирать! — Таня попыталась с ходу ввести его в житейские хлопоты.

— Через часок. Надо материалы к сессии приготовить.

На эти занятия домашняя власть Татьяны не распространялась. Она очень гордилась государственными обязанностями мужа.

...Когда Павла Баряева выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, он прежде всего удивился: его, простого рабочего, совсем молодого еще парня,— в верховный орган Советской власти?.. Потом обрадовался. Проникся всей глубиной народного доверия, которое просто необходимо, нельзя не оправдать — и работой своей, и депутатскими делами. На первых сессиях он все больше молчал, слушал опытных людей, а потом на депутатских комиссиях и сам стал вносить предложения по работе промышленности и по строительству.

В горисполкоме на дверях одного из кабинетов теперь висит табличка «Депутат Верховного Совета СССР П. А. Баряев. Прием в последний вторник каждого месяца». Конечно, к нему можно и попросту прийти — на работу или домой, но здесь — основной прием.

Однажды пришел машинист передвижной пароустановки Иван Алексеевич Данильченко. Рассказал о себе. Он ветеран Отечественной войны, в Новом Уренгое с первого колышка. До этого работал в Надыме. Подошла пора идти на пенсию, да вот беда, некуда идти — нет у ветерана на Большой земле квартиры. А ведь заслужил — и боевым прошлым, и северными заслугами. Павел не пожалел времени — писал, звонил, проверял обещания. И недавно Иван Алексеевич поделился радостью: квартиру в Тюмени обещают в ближайшие месяцы.

Нынешняя сессия Верховного Совета пришлась перед отпуском. Утверждались законы об охране природы. Павлу было о чем доложить депутатам.

Уренгой набирает силу, и в следующей пятилетке весь прирост газа по стране будет идти за счет тюменского севера. В Уренгой придет железная дорога, будут построены линии сверхмощных трубопроводов. Но здесь же кочуют тысячные оленьи стада, ведут промысел ненцы-охотники и рыбаки! Не случайно сам Новый Уренгой поначалу назывался поселком Ягельным (ягель — это главный олений корм). Как совместить интересы современной промышленности и старых отраслей хозяйства, как использовать новую технику не во вред северной природе — об этом надо думать всерьез и заблаговременно. Это волнует и молодого депутата.

Наконец выкладки и записи подготовлены. Можно собираться в дорогу. Захватили и осеннюю одежду для трехлетней Наташки. Дочку еще летом отправили к бабушке подальше от свирепых северных комаров.

— Прогуляемся на дорожку? — предложила Татьяна.

Они вышли на берег Ево-Яхи — излюбленное место прогулок новоуренгойцев. Шел десятый час вечера, но солнце только начало скрываться за горизонт. Яростный закат, какие бывают только на Севере, пламенел вполнеба. Где-то на фоне его беззвучной запятой катился припоздавший вертолет. Тихо, спокойно. Только машинное рычание «Ураганов» доносило с соседнего шоссе дыхание большой стройки.

— Пойдем на наше местечко,— позвала Татьяна.

Они покинули людный берег, пересекли шоссе и остановились около просторного участка тундры.

Он ничем не поражал воображение, этот участок. Неровная строчка тальников, горбатые кочки, белесые хохолки северного ковыля, стелющиеся ветви карликовой березы с листьями, похожими на зеленые гривенники.

Но не зря Татьяна, инженер-оформитель объединения «Уренгойгаздобыча», приносила домой для вечерней работы генеральные планы будущего Нового Уренгоя. Это и был участок будущего города. Они разглядывали довольно унылый тундровый пейзаж, а видели будущее — двенадцатиэтажные красавцы дома, зеленые пространства крытых садов, мраморное ложе бассейна, асфальтовые стрелы дорог. Они верили: это будет их город, их Новый Уренгой, в котором они будут радоваться жизни и растить свою Наталью...

Уже возвращаясь домой, Таня вдруг воскликнула:

— Наташке-то подарок забыли! Ну, роди-и-тели...

Павел помолчал недолго. И вдруг сказал:

— Знаешь что, Танюша. Давай подарим Наташке город. Вот этот самый Новый Уренгой, который мы с тобой только что видели. Который сами и построим.

Рисунки В. НАГАЕВА.

Ю. А. ТИТОВ. «Просека».

Барот ИСРОИЛ

Пятеро в тайге

Темной тайги перепутаны космы,
Но продвигаются в ней,
Рубят под просеку кедры и сосны
Пятеро крепких парней.
Иван словно сросся с бензопилою,
Ему помогает Даврон.
Ашур наклонился над мертвой
сосною:
Разделывает топором.
В труде проверяется прочность
металла.
Случится какой перебой,
Топор затупился, пила вдруг
устала —
Наладят и ринутся в бой.
Бригада — весомо звучит. И умелы
Пять пальцев, сжатых в кулак.
Чтоб спорилось дело, работа
кипела,
Есть руки и ловкость в руках.
Упрямство Зураба и силу Сирбая
Сибирская вспомнит земля.
А просека в небо уходит прямая,
Растут по краям штабеля.

Бульдозер — стальной властелин
бездорожья,
Сверкая тяжелым ножом,
Сдирает растений зеленую кожу
И лезет в тайгу на рожон.
И вдруг замолкает мотор.
В труде человек механизма надежней —
Стучит безотказный топор.
У каждого шага есть точная мера...
И рушатся сосны, как знак
Того, что исполнят расчет инженера
Пять пальцев, сжатых в кулак.
В тайге измеряется мерой двойною
Высокая тяжесть труда.
И слушают парни: гудят за спиною
На стыках стальных поезда...
Зажглись небеса, как огни новостройки.
Закончена смена. На зов огоньков
Идут в общежитие. Жесткие койки
Им кажутся мягче пуховиков.
Тайга распустила дремучие космы.
Спят пятеро братьев земных.
Над ними склонился таинственный космос,
Сияя в озерах ночных.

МАЛЕНЬКАЯ ГЮННВОР

Это было во время войны в оккупированной гитлеровцами Норвегии. Уже три года топтали страну ненавистные захватчики. Но народ знал: подпольщики-антифашисты действуют, распространяют листовки, помогают военнопленным.

И антифашистов поддерживали все честные люди, даже дети.

Память сохранила свидетелей этого времени.

...После занятий в гимназии маленькая Гюннвор вышла на заснеженную улицу. Знакомый грузовик с полным кузовом мороженой рыбы стоял на углу. В дверях табачной лавки появился с пачкой сигарет в руках водитель — старый Ларсен. Он кивнул девочке, показал глазами на кузов. Гюннвор проворно взобралась наверх.

— Я всегда подвожу мою племянницу домой,— объяснил Ларсен фашистскому офицеру, сидевшему в кабине.— Нам по дороге...

Офицер важно кивнул.

Ларсен включил мотор. Мимо замелькали улицы Бергена. Грузовик вырулил на шоссе. Скоро Гюннвор увидела пленных красноармейцев в длиннополых шинелях. В самую стужу их выгнали расчищать шоссе от снежных заносов. Худые, голодные, закоченевшие на ветру, они с трудом поднимали лопаты.

Гюннвор посмотрела в заднее стекло кабины. Фашист дремал, девочка взяла большую рыбину и бросила на дорогу. Потом другую, третью... Красноармейцы поспешно прятали треску за пазуху, кивком головы благодарили Гюннвор. А девочка все бросала и бросала рыбу.

На окраине Бергена грузовик остановился. Гюннвор спрыгнула на землю и побежала к родному крыльцу.

— Жду тебя завтра на том же месте! — крикнул вслед Ларсен.

М. ИСКРИН

НЕОБЫЧНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ ПРАЗДНИК

Несколько лет назад, когда я работал в Германской Демократической Республике, мы с дочкой Леной отправились в путешествие.

Нам очень хотелось побывать в Боуцене и других городах, где живут лужицкие сербы,— единственное национальное меньшинство в ГДР.

И вот приближаемся к древнему городу Каменец. Уже видны белокаменные здания под красными черепичными крышами, шпиль городской ратуши.

На окраине города нам пришлось остановиться. Перед нами застыла длинная вереница автомашин.

— В чем дело? Почему остановка? — спросили мы водителя передней машины.

— Сразу видно, что вы не здешний,— улыбнулся наш собеседник.— Сегодня дети нашего города проводят Гуситский праздник. Придется вам ждать часа два! Движения машин в городе не будет, пока не пройдет процессия гуситов...

— А кто такие гуситы? — спросила Лена.

— Историю надо знать! — укоризненно покачал головой местный житель.— Ну, слушай, в начале XV столетия движение гуситов всколыхнуло всю Европу. Предводителем восставших был ученый Пражского универ-

ситета Ян Гус, а полководцем — опытный военачальник Ян Жижка. Войско гуситов победоносно шло из Чехии на запад, громя феодальные замки, обращая в бегство крестоносцев. В Саксонии на их пути стояла мощная крепость Каменец. Гуситы осадили город. По средневековому обычаю защитникам крепости послали ультиматум: если крепость не сдастся без боя, город будет уничтожен!..

Время ультиматума истекло, прозвучал сигнал к штурму. И вдруг городские ворота отворились, и к лагерю гуситов направилась колонна детей. В руках ребят были букеты цветов. Они шли к шатру Яна Жижки. «Великий воин! — обратились дети к вождю повстанцев.— Не губи нас, наших родных! Пощади наши дома!..»

Войско долго стояло неподвижно. Свита полководца молчала. Молчал и сам Жижка. «Штурм отменяется!» — сказал он наконец.— Снять осаду!»

Воины взяли у детей цветы, накормили и отпустили домой. Ян Жижка взял с горожан слово не выступать против гуситов и повел свое войско дальше на запад...

С той поры каждый год двадцать четвертого августа дети города Каменец отмечают Гуситский праздник,— закончил свой рассказ наш новый знакомый.

А мимо нас уже шли колонны ребят в красных галстуках. Это были пионеры-тельмановцы. Они несли целые охапки цветов и весело распевали песни на немецком и сербском языках.

И вдруг мы узнали родную мелодию. «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо!..» — радостно подхватила Лена.

— Вот так, с песнями, ребята пройдут по городу,— пояснил нам разговорчивый сосед.— Потом поднимутся во-он на ту гору. По преданию, там стоял шатер Яна Жижки. Там они проведут весь день. Будут играть, водить хороводы, петь песни у костров.

А на заходе солнца возвратятся домой...

Наконец, машинам разрешили ехать дальше. Всю дорогу мы с Леной только и говорили об удивительном празднике пионеров.

Е. КРЕМКО

ГАВРОШИ НАШИХ ДНЕЙ

Сергей МАКЕЕВ

Крылья для Тшикаре Копано

Перед ним на столе — белый лист бумаги. Буквы стремительно бегут по ней, догоняя друг друга, сливаясь в слова. Но порой ему кажется, что какое-то слово-кирпичик не на месте... «Прошу зачислить меня курсантом в летное училище. Хочу стать военным пилотом, чтобы освободить мою родину — Южно-Африканскую Республику от гнета расистов...»

Наконец он доволен. И с легким сердцем ставит подпись: Тшикаре Копано.

Отодвинув в сторону лист с заявлением, он смотрит в окно. Там, за сотни километров от студенческого кэмпуса в Мозамбике, начинается ЮАР. Если смотреть из кабины современного истребителя, эти сотни километров промелькнут в одну минуту. Вздувшаяся от недавних дождей мутная Лимпопо; потом и ее ленивый приток Олифантс, уходящий в глубь ЮАР. А вот и столица — Претория: словно ветхий плот в океане народного гнева... Еще миг — и внизу Иоганнесбург в дымном кольце заводов, шахт и горно-обогатительных фабрик. А рядом расплылось огромное ржавое пятно железных крыш.

Соуэто! Лачуги, целое море лачуг из старых ящиков и кусков шифера.

Соуэто! Узкие немощеные улочки, где пыль по щиколотку в зной и грязь по колено в сезон дождей.

Соуэто! Обшарпанные школы, больше похожие на тюрьмы, где большинство учителей — надзиратели, а большинство учеников — заключенные.

Соуэто! Угрюмые полицейские, прогуливающиеся парочками (ни в коем случае не в одиночку!), будто подружки после уроков.

Все это Соуэто... А по соседству — квадрат вытоптанной земли за колючей проволокой. Пулеметы на вышках. Кирпичная казарма. Рядами стоят броневики. Пушки нацелены жерлами на африканский пригород. По первому радиосигналу броневики сорвутся с места и отправятся утюжить улицы Соуэто...

Тут Тшикаре Копано сделал бы крутой вираж, снизившись над полицейским гарнизоном. Он представляет, как под брюхом самолета открываются створки бомболюка и фугаски летят к цели...

Однако хватит пустых мечтаний! Пока что все наоборот: это самолеты расистов то и дело пересекают границу Мозамбика и Анголы, бомбят лагеря беженцев. Вот почему раз в неделю Тшикаре Копано дежурит на крыше студенческого общежития в каске, с мегафоном на груди, чтобы предупредить всех о налете...

Он кладет перед собой другой лист. Вверху набрано типографским шрифтом: «Автобиография».

«Я, Тшикаре Копано, зулус, родился 15 сентября 1964 года в Соуэто, пригороде Иоганнесбурга, ЮАР, в семье учителя...»

Учитель!.. Чего это стоило отцу — выучиться, потом получить место в школе. На первом своем уроке он рассказал ученикам о борьбе за освобождение коренных африканцев в ЮАР. И первый урок стал для него последним... Потом четыре года работы в подполье. В 1964 году, когда родился Тшикаре, власти ввели специальные пропуска для африканцев. О поездках по стране нечего было и думать. За отцом установили слежку. Тогда он уехал за границу, чтобы продолжать борьбу.

Тшикаре увидел отца двенадцать лет спустя уже здесь, в Мозамбике. Пожалуй, он выглядел моложе своих сорока пяти лет — высокий, стройный. Если бы не седина. Он был совершенно седой.

«В 1972 году поступил в начальную школу»,— продолжает писать Тшикаре...

...Жирный кальвинистский священник, задыхаясь от жары, бубнит:

— Бог сотворил всех людей равными. А когда взглянул на творение рук своих, то увидел, что люди черны, как земля, из которой он их сделал. «Ступайте к реке,— сказал господь,— и смойте грязь с тела своего!» Люди пошли к воде. Покорные и трудолюбивые отмылись добела. А ленивые упрямцы окунули в воду только ладони и ступни ног... А ну-ка, лодыри, покажите мне свои руки!

Дети, плача от унижения, показали ладони.

— А ты, несчастный? — обратился священник к Тшикаре.— Почему ты не показываешь руки?

Мальчик медленно протянул руки вперед. Но пальцы были крепко сжаты в кулаки, так, что суставы побелели.

И такие же белые пятна выступили на лице священника...

.Опять шариковая ручка бежит по бумаге:

«16 июня 1976 года вместе с учениками школы «Орландо» я вышел на демонстрацию против расистской системы обучения. К нам присоединились все школьники Соуэто, а потом и многие взрослые...»

Нелегко это — уместить в один абзац главное, что случилось в его жизни и чего он уже никогда не забудет.

Дети белых учились на английском языке. Дети черных — на языке африкаанс. Английский язык в ЮАР — язык господ. На нем говорят судьи и чиновники. Африкаанс — для понукания рабов.

Школа «Орландо» в Соуэто славилась бунтарским духом.

Однажды рано утром ученики написали на транспарантах лозунги:

«Долой апартеид!»
«Власть народу!»
«Да здравствуют школьники Соуэто!»

С этими лозунгами они вышли на пыльные улицы пригорода. Запуганные расистами африканцы опасливо следили за школьниками из щелей своих халуп. Но вот самые смелые стали присоединяться к демонстрантам. Из других школ, срывая занятия, гурьбой высыпали ребята.

— Долой апартеид! Власть народу! — неслось со всех сторон.

Из-за угла беспечно вышли двое полицейских. Увидев надвигающуюся лавину африканцев, они пугливо нырнули в лабиринт переулков.

— Долой!.. Долой!.. Долой! — неслось со всех сторон.

«Тревога! Тревога! Тревога!» — пищало на радиоволнах полицейских раций.

«Первое, второе, третье отделение — по машинам!» — ревел репродуктор в полицейском гарнизоне.

Колонна демонстрантов вышла на площадь. Направо — церковь, налево — лавчонки мелких торговцев, а впереди уже слышен рев моторов.

Демонстрация была мирной, но пулеметы с броневиков сразу начали стрелять по толпе. Падали взрослые. Падали женщины и дети. Больше всего детей. С простреленной головой замер в пыли лучший друг Тшикаре — Луниле Сибиса. С пулей в груди умирал его одноклассник Ломо...

Для многих в тот страшный день единственным убежищем стала церковь. В ней укрылся и Тшикаре Копано. До вечера гремели в городе выстрелы.

С высокой колокольни он видел баррикады в переулках. Но броневики сметали их, как скирды соломы...

С наступлением темноты Тшикаре отправился домой. Неубранные тела лежали на земле. Женщины тихо оплакивали их.

Наутро начались аресты. «Если ты не убежишь сегодня, завтра тебя схватят,— сказала мать.— Ступай в Джимистаун, к тетке. Она поможет тебе уехать из проклятой страны. Как знать, может быть, тебе приведется встретить отца и твоего старшего брата...»

21 июня с паспортом своего двоюродного брата двенадцатилетний эмигрант Тшикаре

Копано выехал в Свазиленд, а оттуда в Мозамбик...

...Стук в дверь, настойчивый, нетерпеливый. Видно, стучат уже давно. Тшикаре торопливо подписывается под автобиографией и идет отворять.

На пороге стоит его брат Питер, подтянутый, в парадной форме курсанта.

— Ты что, не слышишь стука? — сердится он.— Я уже пять минут торчу под дверью... Заполнил документы?

Тшикаре протягивает ему заявление и автобиографию.

Брат внимательно читает, наморщив выпуклый лоб.

— Хлебнул ты горя, братишка! — вздохнув, говорит Питер, складывая бумаги.— А, знаешь, я жалею, что не был тогда с вами в Соуэто!

— Зато ты был в Анголе, когда прогнали колонизаторов.

— Ангольцы, конечно, наши братья... Но Соуэто! Там мы родились, там в июне семьдесят шестого погибла тысяча наших сверстников. Мне порой стыдно, что я не разделил их судьбу...

— Погибнуть, по-моему, легче, чем победить! — говорит Тшикаре.

Это замечание, похоже, не нравится Питеру. Он старший брат и не любит, когда младшие начинают поучать старших.

— Что же тебе нужно, чтобы победить? Ты и это знаешь? — сердито спрашивает Питер.

— О, совсем немного! — отвечает Тшикаре Копано.— Пара крыльев и больше ничего...

Улыбка сползает с лица Питера. Он обнимает брата за плечи и говорит:

Идем. Наш команданте не любит ждать!

Рисунки В. ДУДКИНА и П. ПРОРОКОВА.

С днём рождения, дорогая Агния Львовна! Сердечно поздравляем Вас, любимого поэта наших читателей! Желаем Вам доброго здоровья и много-много новых книг — прозы и стихов. Всегда с радостью читаем, слушаем, печатаем их.

Навсегда ваш „Пионер"

Агния БАРТО. Переводы с детского

Дорогие читатели «Пионера»! Наверно, вы прочли в своем журнале, что моя книжка «Переводы с детского» — не переводы в обычном понимании этого слова, а стихи, написанные мной от имени детей разных стран. Начинается книжка со стихов от имени финских детей, учеников финско-русской школы в Хельсинки. Четыре года назад они вручили мне 57 своих стихотворений. Я чувствовала себя вправе развивать, углублять их мысли и переживания, но мне хотелось знать, как они к этому отнеслись. И вот недавно я снова побывала в Хельсинки, в той же школе. На этот раз ученики разных классов принесли мне не 57, а 85 стихотворений, тем самым финские «невелички поэты» как бы подтвердили мое право писать от их имени. Сегодня в «Пионере» несколько новых стихотворений, и в каждом — своя мечта, иной раз совсем детская, а иногда не по-детски мудрая.

Один из юных читателей спросил меня: «А как именно вы переводите?» Вот, к примеру, так: Енню Эрясадри нарисовала на листке бумаги цветок, зайца и птицу. И написала:

«Лес.

Ходи тихо в лесу, ты можешь видеть много: птицы, цветы, зайцы, посмотри хорошо, увидишь».

Мне захотелось написать такое стихотворение:

от имени Енню ЭРЯСАДРИ, ей 9 лет.

Если по лесу идти
Тихо, тихо, тихо,
Может встретиться в пути
Серая зайчиха,
Или встретишь зайца...
Только ты не засвисти,
А то он
Испугается.

Если по лесу идти
Тихо, тихо, тихо,
Может встретиться в пути
Даже и лосиха.
Вдруг появится вблизи,
Только ты ей не грози,
Лучше мимо проскользни.

Даже птички-невелички
Ты случайно не вспугни.
Я с одной знакома лично,
Симпатичные они.

От имени Сусанны КАНЕРВА, ей 10 лет.

В кармане у старого гномика
Особенный ключ: не от домика.
Ключ дружбы по свету он носит...
Хотел бы он в каждом краю
Людей, как крестьянин колосья,
Собрать бы в большую семью.

На земле — колос к колосу.
У людей — голос к голосу.

Хотелось писать мне...
Не пишут чернила,
И целое утро
Я ручку чинила.

Зря я с ней мучилась —
Мысль улетучилась.
Ручка — в порядке,
Пусто в тетрадке.

От имени Яна ТРОППА, ему 11 лет.

Я толстый мальчик!
Я толстяк,
И мне друзья
Сказали так:
— Ты не годишься
В игроки,
Тебя не выдержат
Коньки!

И теперь
Хожу в тоске я —
Не гожусь я
Для хоккея!

Не гожусь!
Но почему же?
Ведь не все же
Неуклюжи
Толстяки?
Может, это
Пустяки?!

Вот собрать бы
Толстяков,
Посмотреть бы:
Кто каков?!
Самых ловких отберем.
А меня бы — вратарем!

От имени Нанны ЭК, ей 11 лет.

Тоска

Невесело мне в эти дни.
Встряхни меня, ветер,
Встряхни!
Пусть от меня
Оторвется тоска,
Пусть оторвется!
Перенесут меня
Пусть облака
От злого —
В солнце.

От имени Сату ВИРЕН, ей 14 лет.

Дома

На улице дождь непрерывный,
А дома тепло и светло,
И можно на бурные ливни
Спокойно смотреть сквозь стекло.

Тут можно укрыться от зноя,
Спастись от морозного дня.
В хорошее место родное —
Домой так и тянет меня.

От имени Мики СААРЕЛАЙНЕН, ему 12 лет.

В моём окне

Я утром слышу в полусне:
Проснулась улица в окне.

Понеслись автомобилей
Разноцветные стада,
Вдруг столпились, завопили,
Вновь помчались кто куда.

Люди — только поспевай —
Кто в автобус,
Кто в трамвай.

А мне видна вся улица:
Тут на ходу жуют еду,
Тут на ходу целуются.

Мчатся с разными вещами,
Кто с корзинкой с овощами,
Кто с ребенком в детский сад,
Кто спешит на совещанье —
Все куда-нибудь спешат.

По утрам горячка всюду!
А вот я спешить не буду.
Думал, думал и решил:
Вот я вырасту большим,
Буду жить я без машин.

Не хочу я торопиться,
Мчаться — только поспевай —
На автобус
И в трамвай,
На ходу жевать еду,
Целоваться на ходу.

Я опаздывать не стану,
Никого не подведу,
Просто я пораньше встану
И пешком пойду.

От имени Юхани ЮСЕЛИУСА, ему 10 лет.

Картина в моей комнате

Простая картина —
Портрет на стене,
Я сам не пойму,
Чем он нравится мне,
Морщинки у глаз,
Голова в седине.

С этим портретом
Я с детства знаком,
Его называю
Моим стариком.

Он часто мне кажется
Добрым и грустным,
А иногда затеваю
Игру с ним:
Ему головой
Покиваю слегка,
И словно ответят
Глаза старика.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Хлеб — всему голова

В издательстве «Детская литература» вышла новая книга Героя Социалистического Труда **Михаила Алексеева** со строгим и серьезным названием **«Цена ему жизнь».** И разговор с тобой автор ведет серьезный и требовательный.

Разговор о хлебе. Может быть, ты привык, что часто говорят с тобой о том, как много труда вложено в батоны, буханки, булки, которые ты ешь каждый день. И все же многое будет для тебя в этой книге звучать по-новому.

«Люди думают о земле, люди думают о хлебе. Думают и те, что привыкли быть исполнителями воли других,— теперь думают и они. С них за все спросится, поскольку им дано великое право решать важнейшие дела самим».

Вот оно, новое: можно, оказывается, не только рассказывать о том, как хлеб выращивают, о труде хлеборобов, не только восхищаться этим героическим трудом, не только возмущаться теми, кто этот труд не уважает. Можно думать о хлебе как о понятии нравственном, ведь «он вместил все — и любовь, и отчаяние, и горе, и счастье». Так говорит о хлебе Михаил Алексеев.

«Убежден, что хороший человек не может плохо относиться к породившей его природе,— можно ли назвать хорошим сына, который бы плохо относился к своей матери». «Хлеб — он солдат в дни войны; он искусный пропагандист, политик и дипломат в дни мира. Хлеб, наконец, это рука друга, протянутая голодающему или пострадавшему от стихийных бедствий, соседу».

Писатель Михаил Алексеев говорит с тобой о вещах, на первый взгляд с хлебом никак не связанных. Есть в книге и яркие, словно кадры цветного фильма, воспоминания о детстве. И рассказы о людях деревни, о делегатах партийных съездов. Есть факты, цифры.

И все это — о хлебе. Потому что нет хлеба без людей, без машин, без бережного отношения к природе...

Когда ты будешь читать книгу, постарайся не только следить за мыслью автора, за ходом его рассказа. Постарайся услышать его взволнованный голос. «От хлеба, оставленного под дождем в поле, пахло голодом», «самые горькие и самые сладкие ощущения детства у меня так или иначе связаны с хлебом», «мне кажется, что о хлебе давно надо было говорить во всю силу легких, в полный, что называется, голос».

Так пишут об очень близком, выстраданном, личном. И было бы большой удачей книги, если бы отношение автора к хлебу, к труду, к земле стало твоим отношением.

А. БОРИНА

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ВОЛШЕБНИКОМ?

Если кто-то тебе расскажет, что мальчик Вася нарисовал кота Ваську, а этот кот вдруг взял да и спрыгнул с листа бумаги на пол?..

— Ерунда! — допустим, скажешь ты. И будешь не прав.

А если еще и сообщит при этом, что кот говорящий?..

— Чепуха! — скажешь ты. И будешь опять не прав.

Ну, а если кот не только говорящий, но еще и умеет превращать окружающих в мышей?

— Ну, это уж совсем сказки! — скажешь ты. И на сей раз будешь совершенно прав! Потому что все это не ерунда, не чепуха, а именно СКАЗКА. Самая настоящая. И называется она «Ученик волшебника».

Ученик — это кот Васька. Ученик нерадивый. А Васькиного учителя зовут Алексеем Сократовичем (или Алексеем Секретовичем). Можно — просто Алешей, потому что он еще очень молодой волшебник. Волшебник Алеша печалится из-за того, что у него очень несерьезная профессия.

Он переживает, что друзья не понимают его. Он даже задумывается, не переменить ли ему профессию. Алешины сомнения очень пугают могучего джинна. Джинн живет в Алешином термосе. Хоть и ненавидит он все эти современные чудеса: радио, телевизор, автомобили, жить в термосе ему нравится больше, чем в медной лампе, и он очень боится остаться бездомным и безработным... И так Алеша мучается, да еще джинн все время плачет и ругает его! Так Алеше надоел, что тот боится выпускать его!..

К счастью, после всех безобразий, которые устроил ученик волшебника кот Васька, Алешины друзья начинают понимать, что волшебство — это очень серьезная работа. И очень нужная! Ну, а ты, наверное, и так в этом не сомневался.

Кстати, с автором этой веселой и поучительной сказки Софьей Леонидовной Прокофьевой ты, наверное, был знаком и раньше. Помнишь приключения «Неизвестного с хвостом»? А сказки «На старом чердаке» и «Лоскутик и Облако»?

Если случилось так, что ты еще не успел прочитать их,— не беда: у тебя еще все впереди! Сколько знакомств! Сколько приключений и размышлений ждет тебя на страницах книги, которую выпустило издательство «Детская литература»!

Она называется **«Ученик волшебника. Лоскутик и Облако».**

А прочитав эту книгу, ты, наверное, догадаешься, что быть сказочником, может быть, даже труднее, чем волшебником.

Н. СОЛОМКО

Ю. А. ТИТОВ. **«Мост через Лену».**

Барот ИСРОИЛ

Обгоняя волны

Здравствуй, озеро Байкал!
Я не знал, что так бывает.
На алмазных гранях скал
Солнце чистое сияет.

Словно тысячу зеркал
Сверху бросили на глыбы.
Волн осколочный оскал
Схож с оскалом хищной рыбы.

Я глаза закрою, но,
Осиненный небесами,
Ходит блеск перед глазами,
Полыхает солнцем дно.

Как я жил на белом свете
И не видел скалы эти,
Эти выси, эти дали,
Глубь студеную в Байкале!

Теплоход идет вперед.
От кормы волна седая,
Отдаляясь, оседая,
Затихает, отстает...

Ю. А. ТИТОВ. **«Зимняя дорога».** (Фрагмент.)

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ТАЙНЫ РАСКРЫТЫЕ И НЕРАСКРЫТЫЕ

ЖИДКИЕ РОДИЧИ ХРУСТАЛЯ

Недавно заводы начали выпускать наручные электронные часы. У них нет привычных стрелок: в окошечке сменяются цифры, показывающие часы и минуты. Цифры как будто нанесены краской, но сколько бы мы ни вглядывались, уловить момент, когда одна цифра превращается в другую, не можем.

Это чудо творят особые вещества — жидкие кристаллы, открытые еще в конце прошлого века. До недавнего времени жидкие кристаллы считались просто курьезом, и даже не все ученые верили в их существование. Как может быть кристалл жидким, если даже само слово «кристалл» происходит от слова «хрусталь»? Ведь в мире кристаллов можно встретить самые твердые из всех известных человеку материалов — корунд, алмаз...

И все же ученым удалось решить загадку жидких кристаллов, когда они изучили внутреннее строение этих странных веществ.

Попробуем и мы разобраться в том, чем кристалл отличается от жидкости и почему жидкость похожа на твердый кристалл.

Тот, кто бывал на площади во время праздника, помнит радостную толпу. Как жидкость приобретает форму сосуда, в который она налита, так и толпа заполняет площадь от края до края. Однако, как бы тесно здесь ни было, каждый человек может передвигаться по площади в любом направлении.

Иное дело, когда по той же самой площади парадом проходят войска: их четкие шеренги — образец идеального порядка. Такой же порядок царит и внутри твердого кристалла: его частицы почти лишены возможности двигаться относительно друг друга.

И, наконец, красочное шествие физкультурников на площади похоже на структуру жидкого кристалла: хотя спортсмены и сохраняют между собой дистанцию, их группы то и дело перестраиваются. Иначе говоря, хотя в жидких кристаллах и есть общий порядок, частицы в них все равно могут передвигаться.

Но почему не все жидкости обладают свойствами кристаллов? Оказывается, это зависит от формы их частиц. Если частицы жидкости — молекулы — имеют форму длинных стерженьков, они располагаются параллельно друг другу. Стерженьки передвигаются, но общий порядок сохраняется. А порядок — свойство молекул кристаллов. Иногда молекулы жидких кристаллов образуют скользящие друг над другом слои, а иногда располагаются, как ступеньки винтовой лестницы — это тоже позволяет молекулам перемещаться, не изменяя общей структуры.

Как только стало ясно, почему некоторые жидкости обладают свойствами кристаллов, ученые начали открывать все больше таких веществ. Это и жидкое мыло для шампуней, и нервные волокна, и хрусталик глаза...

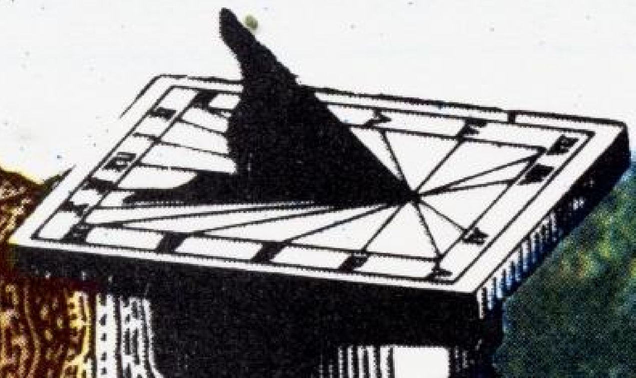
А потом ученые обнаружили, что жидкие кристаллы чутко отзываются на внешние воздействия: например, достаточно подвести к жидкому кристаллу слабый электрический ток, и кристалл перестанет быть прозрачным или изменит окраску.

Эту особенность жидких кристаллов стали использовать. В электронных часах цифры рисует ток от миниатюрной батарейки. В окошечке часов находятся полоски жидкого кристалла, расположены они, как линии в сетке почтового индекса на конверте. В зависимости от того, через какие полоски пропускается ток, получаются разные цифры.

Таким же способом можно заставить электрический ток рисовать и любые изображения. Например, специалисты считают, что в будущем жидкие кристаллы помогут создать совершенно плоский телеэкран, на котором изображение будет не светящимся, а похожим на живописное полотно. Тогда цветные телевизионные передачи можно будет смотреть даже при ярком солнечном свете.

Вот какие интересные вещи можно сделать с помощью жидких родичей хрусталя! И кто знает, может быть, их самые удивительные свойства еще не открыты...

В. ХРАМОВ

Загадка, которой две тысячи лет

«Мы слышали, что у Гибралтарского пролива до нашей эры существовало государство Атлантида, которое потом затопил Атлантический океан. Правда ли это?»

Сережа ЧЕРНОУСОВ, Дима АГЕЙЧЕВ, 5-й класс, г. Березники, Пермская область.

Загадка Атлантиды волнует ученых уже больше двух тысяч лет. Откуда возникла эта легенда?

В середине IV века до нашей эры древнегреческий философ Платон описал быт, государственное устройство Атлантиды так подробно, как будто сам там бывал. Узнал Платон об этой стране из записок жившего на 200 лет раньше греческого государственного деятеля Солона. А Солон, в свою очередь, якобы своими глазами видел египетские папирусы, где излагалась история Атлантиды.

Все время не утихают споры, существовала ли Атлантида на самом деле или это просто вымысел. И если существовала, то где она находилась, когда и отчего погибла, какие народы ее населяли?

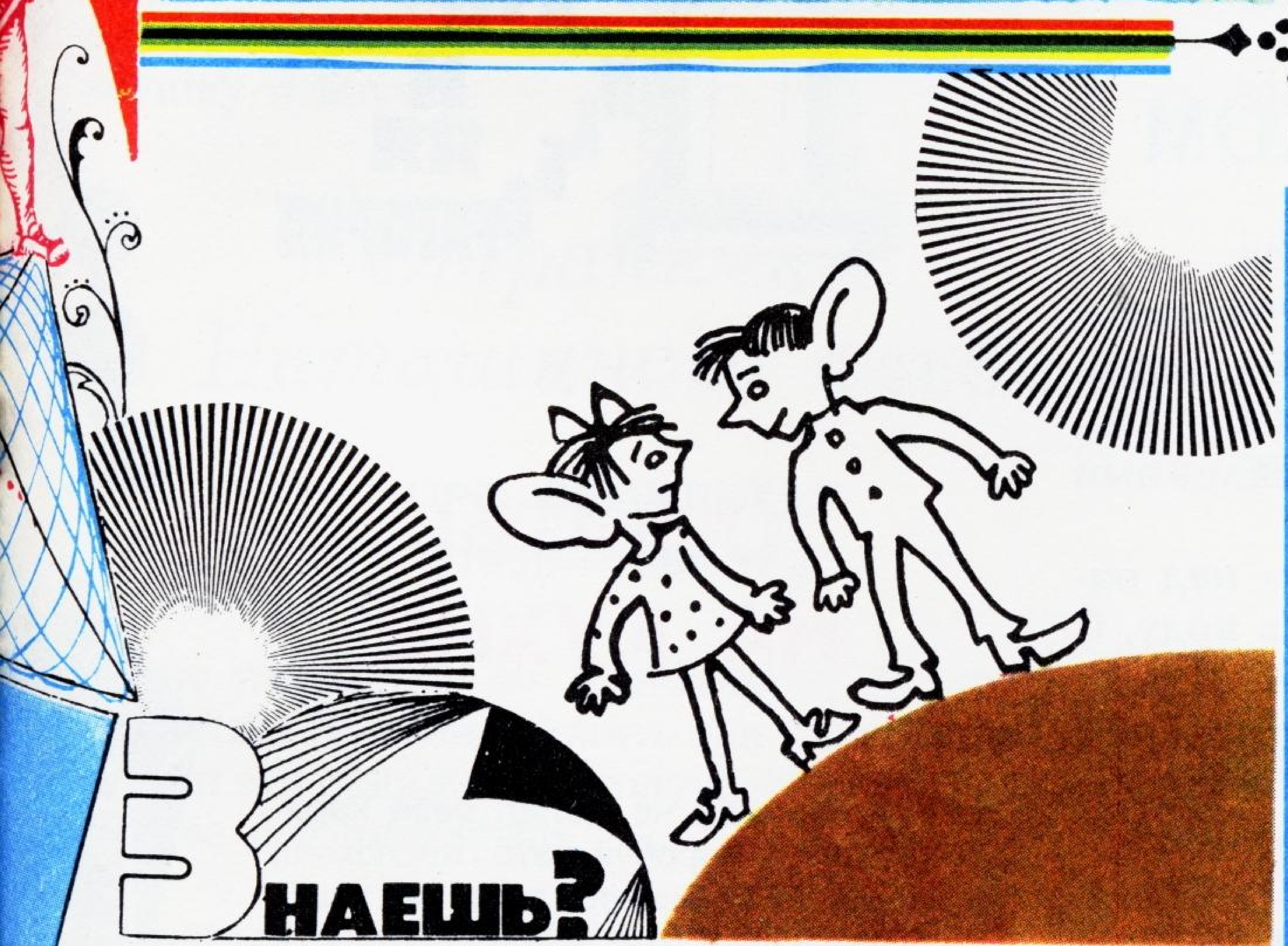
«Атлантологии» посвящено более 25 тысяч книг на всех языках мира и бесчисленное множество статей. Атлантиду помещали и в районе Азорских островов, и на Кавказе, и в Южной Америке, и в Швеции, и даже на острове Шпицберген. Причиной гибели страны считали и землетрясение, и потоп, и падение кометы. Но из всех этих гипотез ни одна до сих пор так и не доказана.

Нужны новые факты, новые открытия, которые рано или поздно будут сделаны.

Одно из таких открытий как будто состоялось совсем недавно. Советские океанологи чуть западнее Гибралтарского пролива, примерно в том месте, где помещают Атлантиду большинство исследователей, сделали автоматической подводной камерой снимки дна океана. На фотографии можно разглядеть что-то вроде правильной каменной кладки (одна такая фотография была напечатана в «Комсомольской правде»).

Что это — остатки сооружений древних атлантов или просто случайное природное образование, не имеющее отношения к деятельности человека? Ответ могут дать только новые исследования.

А. ДМИТРИЕВ

ЗНАЕШЬ?

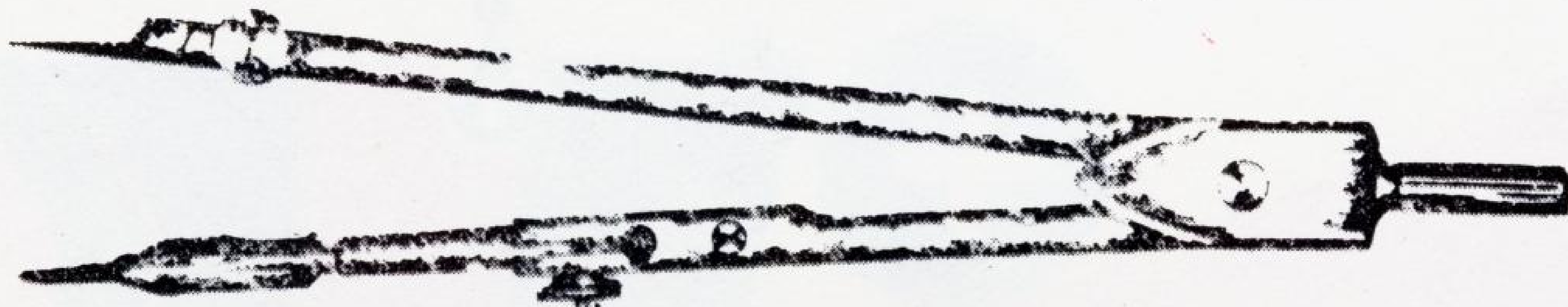
С января 1979 года по март 1999 года самой далекой от Солнца планетой будет не Плутон, а Нептун.

* * *

Если курам надеть красные очки, то они будут съедать меньше корма, но вырастут более крупными и снесут больше яиц.

* * *

Девочки лучше запоминают то, что слышат правым ухом, а мальчики то, что слышат левым ухом.

ГДЕ МЫ БЫЛИ, ЧТО МЫ ВИДЕЛИ

РАЗВАЛИНЫ ДРЕВНИХ ГОРОДОВ

Утро в лагере начинается рано. Еще совсем темно, стоит предрассветный холодок, вылезать из теплого спального мешка не хочется... Но надо: ровно в шесть ноль-ноль раздается: «Вы-ы-ыхад!»,— и потянется в степь, к раскопам, вереница сонных фигур с лопатами на плече. Вскоре над высокими отвалами, окаймляющими правильный квадрат раскопа, уже взлетают комья земли, волоча за собой пыльные рыжие хвосты. А из-за дальних бугров только-только выглядывает неяркий темно-багровый краешек солнца. Через час-другой наступит жара...

Больше двадцати лет здесь, в низовьях Волги, на древних городищах Золотой Орды ведет раскопки Поволжская археологическая экспедиция Института археологии Академии наук СССР и Московского университета, которую возглавляет профессор Г. А. Федоров-Давыдов. Много тысяч квадратных метров иссушенной зноем земли вскрыли за это время археологи экспедиции. И каждый раскоп — как книга: вместо страниц в ней насложения разных лет и эпох, а вместо букв и слов — погребенные в земле следы когда-то живших людей, остатки их жилищ и храмов, черепки и разноцветные изразцы, кости и монеты. Чаще всего прочесть эту книгу под силу только специалисту, но бывает, что некоторые ее страницы рассказывают и такие истории, которые понятны каждому.

...Под лопатами вырисовывается контур усадьбы, которая стояла здесь шестьсот лет назад. Обычная усадьба: вокруг — глухая стена из необожженного кирпича; снаружи, вдоль стены — арык; внутри — дом, тоже из необожженного кирпича; во дворе высокая конусообразная печь для выпечки лепешек — тандыр, какие-то ямы, землянки... Все это хорошо знакомо археологам и встречалось им десятки раз. Но вот в середине дворика обнаруживается человеческий скелет. Это уже странно: ведь он лежит не на кладбище, не в могиле, а посреди жилой усадьбы!

Скелет лежит ничком. Под ним — осколки разбитого глиняного горшка и несколько позеленевших от времени бронзовых монеток размером с полногтя.

И встает перед глазами картина трагедии, которая разыгралась здесь шесть столетий назад.

Враг только что ворвался в город. Всадники с обнаженными саблями мчатся по улицам, врыва-

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

«МАНТА» НА ДНЕ МОРСКОМ

Манта — гигантский скат, обитатель вод Южной Атлантики. Сейчас же пойдет речь о «Манте» — роботе, созданном учеными Института океанологии Академии наук СССР. Он, правда, похож скорее не на ската, а на луноход, поставленный на лыжи.

...Электролебедка осторожно поднимает «Манту» над палубой научно-исследовательского судна и опускает в воду. С судном прибор связан кабелем-тросом, по кабелю получают питание его механизмы, по кабелю им управляют. Робот богато оснащен: телекамерой (вторая телекамера — на палубе судна), мощным прожектором, фотоэлементами, научной аппаратурой. Опускаться он может на глубину до 1500 метров.

Механической рукой — манипулятором — робот-водолаз собирает на дне образцы грунта и складывает их в контейнер. Ход эксперимента записывается на видеомагнитофон.

«Манта», как видите, хороший помощник ученых. Но они уже работают над созданием еще одного робота, который сможет «изучать» кратеры подводных вулканов.

Ученые создают робота второго поколения, еще более усовершенствованного. Его имя — «Скат». Он не будет связан с судном кабелем: питание, электробатареи будут при нем. И собирать он сможет не только образцы морского грунта, но и планктон, и даже мелкую рыбу. Управлять им будут с корабля по радио.

Е. КОВАЛЕНКО

ОПЫТЫ НА КУХНЕ

Ты никогда не делал себе карамельку? Попробуй, это несложно, только на время тебе придется стать химиком.

Попроси у мамы сковородку, немного масла и пару столовых ложек сахарного песку. На слабом огне начни перемешивать ложкой желтоватую массу. Пройдет немного времени, сахар растопится, закипит, появятся пузырьки.

Как только масса на сковородке станет коричневой, вылей ее на блюдечко, дно которого присыпано тонким слоем сахара. Когда карамелька остынет, ее можно сосать, как леденец.

То, что произошло с сахаром при

«Уж не гром ли?» — встревожилась бабушка и посмотрела вверх. Небо по-весеннему сияло голубизной. Нет, дождя не предвиделось.

Предвиделось совсем иное. Как сообщило утром радио (но бабушка Аня сообщение по радио не слышала), после облета земного шара космический корабль-спутник «Восток» с космонавтом Юрием Гагариным на борту начал снижаться с высокой орбиты «для приземления в заданном районе Советского Союза». И этот «заданный район Советского Союза» находился как раз вот здесь, возле деревни Смеловки, на колхозном поле, посреди которого беззаботно резвились девочка Рита и теленок Пестрый.

Их и увидел первыми человек, вернувшийся из космоса. И еще немолодую женщину в сером пуховом платке.

Женщина и девочка боязливо поглядывали на незнакомца.

Их испугал непривычный вид массивного гермошлема на голове пришельца и яркий оранжевый скафандр, которого раньше они никогда в жизни не видели.

Юрий Гагарин понял их растерянность, снял гермошлем и крикнул громко и радостно:

— Да свой же я, товарищи! Свой! Здравствуйте, дорогие мои люди!

Тут бабушка Аня разглядела на скафандре незнакомца четыре яркие буквы — «СССР», и на душе у нее потеплело! Догадалась она, кто это. Тоже радостно охнула, всплеснула руками и бросилась навстречу космонавту, увлекая за собой внучку Риту.

Космонавт порывисто шагнул вперед, улыбнулся какой-то особенной улыбкой, обнял и расцеловал бабушку и внучку.

Странички из Наташиного альбома

ПРО СЕМИЛЕТКУ (1959—1965 гг.)

Шли пятилетка за пятилеткой. А теперь вот семилетка. Но если сложить три года шестой пятилетки и эти семь лет, то получится десять лет — это как раз две пятилетки.

Главный герой семилетки, конечно, Юрий Алексеевич Гагарин, первый в мире космонавт. Его называют пионером освоения космоса.

«Счастлив ли я, отправляясь в космический полет? — говорил Юрий Гагарин.— Конечно, счастлив. Ведь во все времена и эпохи для людей было высшим счастьем участвовать в новых открытиях. Мне хочется посвятить этот первый космический полет людям коммунизма — общества, в которое уже вступает наш советский народ и в которое, я уверен, вступят все люди на Земле».

С полета в космос Юрия Алексеевича Гагарина началась космическая эра. Новая эра открытий и исследований в космосе.

В годы семилетки в нашей стране развернулось движение за коммунистический труд. Оно стало самым массовым соревнованием. По примеру рабочих железнодорожного депо Москва—Сортировочная, где еще на заре Советской власти, в 1919 году, состоялся первый коммунистический субботник, тридцать пять миллионов человек начинали трудиться под девизом «Учиться, работать и жить по-коммунистически!»

Среди тех, кто включился в соревнование за коммунистический труд, была и прядильщица Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината Валентина Гаганова. Она тоже выступила с новым почином. Работала в передовой бригаде, а потом попросила перевести ее в отстающую. «Хочу,— говорит,— чтобы и там было хорошо. У нас не должно быть плохих бригад». И вскоре новая ее бригада стала передовой. Вслед за Валентиной многие перешли тогда работать в отстающие бригады, чтобы сделать их передовыми. Их стали называть гагановцами.

Много добрых дел совершил народ в семилетку. Одних только крупных промышленных предприятий было введено в строй 5470! На полную мощность стала работать Братская гидроэлектростанция на Ангаре. Развернулось строительство величайших гидростанций на Енисее — Красноярской и Саяно-Шушенской. По газопроводу Бухара — Урал пошло ценнейшее топливо в мартены и домны Магнитогорска, Челябинска, Орска, других уральских городов. Вступили в строй Западно-Сибирский и Карагандинский металлургические предприятия, Усть-Каменогорский титано-магниевый и Щекинский химический комбинаты.

В дни семилетки рабочий день был сокращен на целый час, а зарплата увеличилась. Был принят государственный закон о пенсиях для колхозников. Многие тысячи советских людей получили возможность переселиться из старых домов в новые квартиры со всеми удобствами.

Наташа принесла домой черный чемоданчик.

— Чемоданчик этот особенный,— сказала Наташа.— В нем помещается целый дом.

И она стала выкладывать из чемодана на стол деревянные кубики и картонные листы с окнами и дверьми. Не прошло и десяти минут, как на полу вырос красивый дом, над дверью которого была надпись: «Дом для нефтяников». В нем было все как в настоящем доме: крыльцо и крыша, кухня и ванная, спальня и гостиная...

— Интересно, кто же такой домик придумал? — спросил я.

— Папа одного мальчика,— отозвалась Наташа.— Он в Тюмени работал.

Рассказ про сибирских нефтяников, про земные богатства и про дом в чемоданчике

Летел над тайгой огромный зеленый, как стрекоза, вертолет. Внизу под ним тянулся дремучий лес, петляла меж деревьев речушка. Потом под вертолетом замелькали тундра, болота.

Гиблая земля. Летчик не мог найти места для посадки. Но именно здесь, посреди болотистой тундры, приказано было ему сбросить необычный груз, полученный в Тюмени,— жилой дом для нефтяников.

Как сообщили геологи-разведчики, под вязкой трясиной Самотлора — Мертвого озера таятся запасы нефти. Добыть нефть трудно, она находится глубоко под землей. Нужно пробурить в тайге и тундре, на болотах и озерах десятки, сотни нефтяных скважин, построить насосные станции, проложить трубопровод и дороги, чтобы нефть пришла на промышленные предприятия.

Дороги пытались здесь строить. Трижды. Но всякий раз весной в распутицу они размывались ручьями. Солнце, растопив верхний слой вечной мерзлоты, превращало новую дорогу в топкую трясину.

Трудно соорудить дом на вечной мерзлоте. Но архитекторы придумали такой дом, чтобы его можно было построить в короткий срок. Собирали его из огромных плит-блоков. Укладывали их один к одному, как кубики.

Не грохотали топоры, не жужжали пилы. Слышался только дробный перестук молотков да веселый говор людей. Они плотно подгоняли одну деталь к другой, устанавливали окна, двери. Когда перед заходом солнца вертолет поднялся в воздух, то дом уже прочно стоял на земле.

На следующий день прилетел другой вертолет. Вместе с новым отрядом буровиков он доставил в тундру еще один жилой дом. На этот раз дом прибыл не в ящиках. Он висел под брюхом вертолета на прочных канатах. Дом прислали в собранном виде прямо с завода.

А потом вертолеты привезли еще несколько готовых домиков. Так появился в тундре поселок нефтяников.

Дружно и радостно жили люди у Мертвого озера. Добывали из-под земли нефть, проложили трубопровод, соорудили насосную станцию. И самотлорская нефть пошла на завод, в город Тюмень и дальше — в центр России.

Когда буровики закончили свою работу, их домики на вертолете перевезли в другие северные края. Оставили только два дома для дежурных насосной станции.

Странички из Наташиного альбома

ПРО ВОСЬМУЮ ПЯТИЛЕТКУ (1966—1970 гг.)

За пять лет восьмой пятилетки в стране построили 1900 крупных промышленных предприятий. В их числе Красноярская и Приднепровская гидроэлектростанции, Волжский автомобильный завод в городе Тольятти.

Жилых домов за пять лет было построено столько, что из них можно было бы образовать пятьдесят новых городов — по целому миллиону жителей в каждом!

В канун пятидесятилетия Великого Октября советская автоматическая станция «Венера-4» совершила посадку на поверхность Венеры и передала на Землю ценные научные сведения. Спустя три года советская космическая ракета долетела до Луны и, забрав там образцы лунной породы, успешно возвратилась на Землю. Потом другой космический корабль доставил на Луну управляемый с Земли «Луноход-1», который провел исследования лунной поверхности.

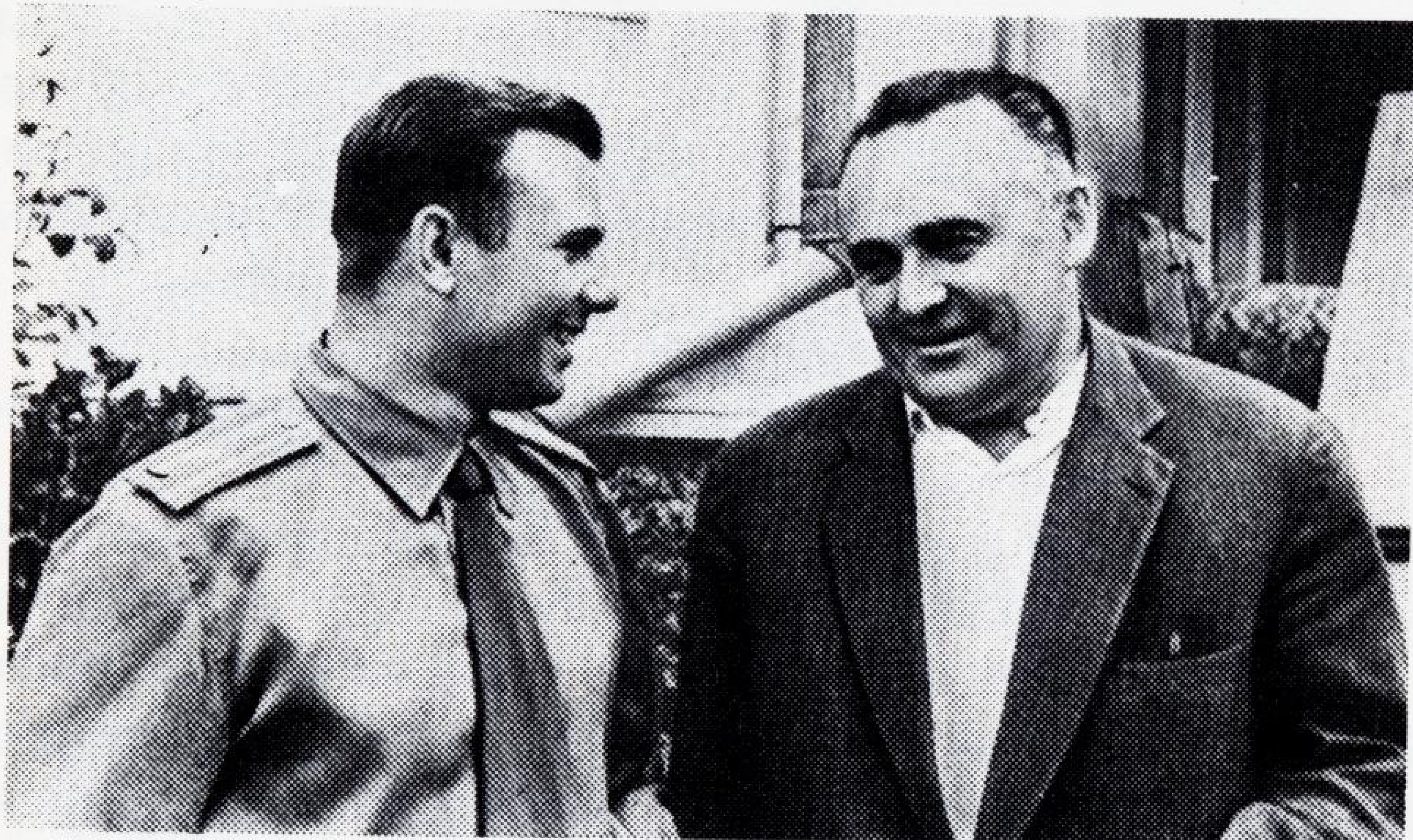
В тайге и тундре тюменского севера были обнаружены запасы нефти и природного газа. Первый миллион тонн нефти был добыт в 1965 году.

Наша страна вышла на первое место в мире по добыче нефти.

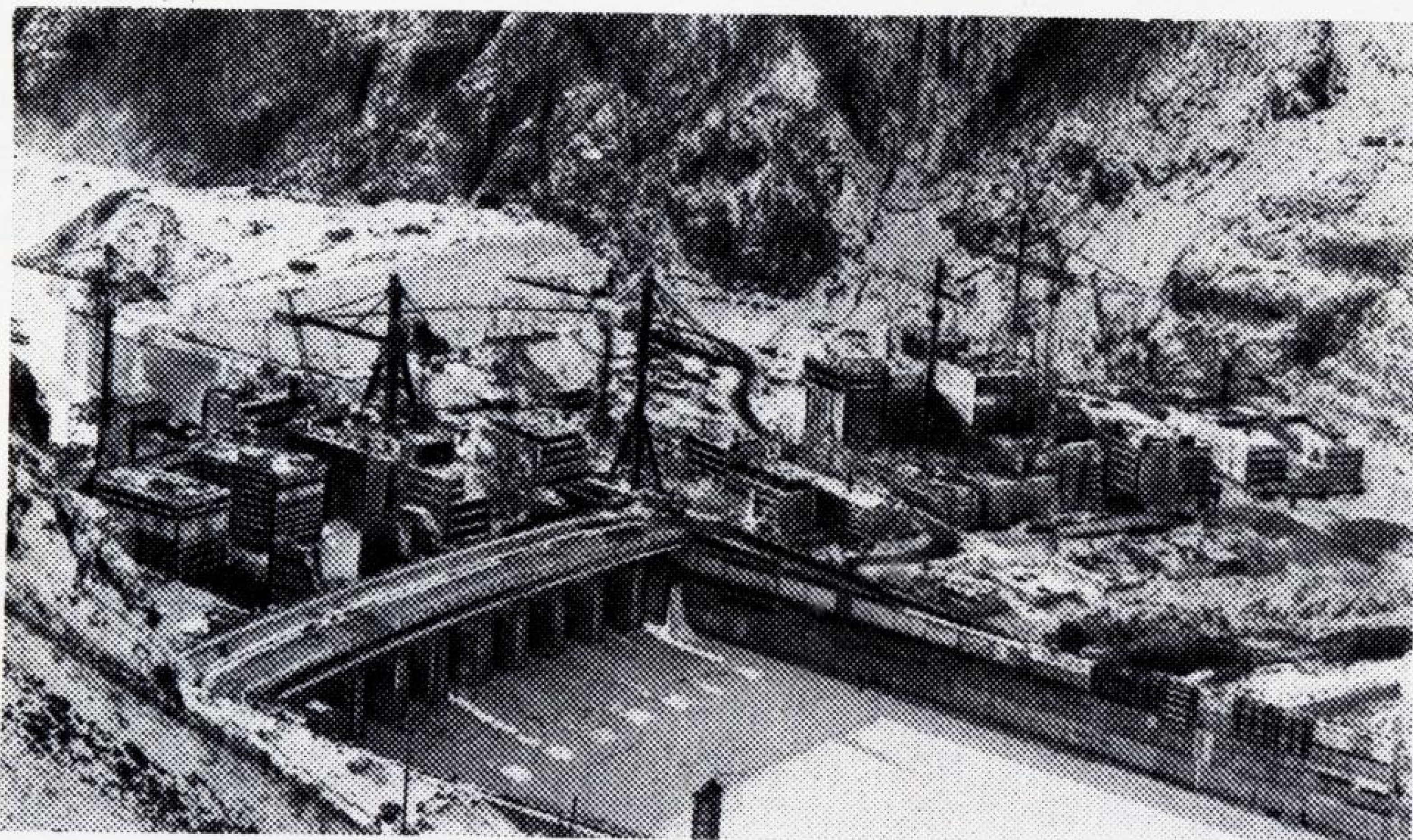

Мы с Наташей шли по улице. Мимо нас прошел парень в брезентовой куртке.

— Смотри, папа! — радостно прошептала Наташа.— Он с Байкало-Амурской магистрали. У него на рукаве синяя нашивка. На ней три большие

Юрий Гагарин и академик С. П. Королев. Май 1961 года.

Участок строительства Саяно-Шушенской ГЭС.

Бригада Героя Социалистического Труда В. А. Агафонова.

буквы: «БАМ». Вчера на сборе у моих октябрят был дядя Павел. После армии он поехал вместе со своими товарищами строить БАМ.

Рассказ про трех товарищей: про Павла, Булата и Кондрата — и про их «таежный десант»

Служили три товарища в десантных войсках — Павел, Булат и Кондрат. До армии они не знали друг друга. Павел приехал из Москвы, Булат — из Тбилиси, а Кондрат — из Минска. Определили их в один взвод. Вот они и подружились.

За два года воинской службы Павел, не умевший прежде плавать, сделался отличным пловцом, ловкий Булат в спортивной борьбе с первого захода валил соперника на обе лопатки, а застенчивый Кондрат стал мастером на все руки. До армии Кондрат окончил радиотехническое училище и теперь брался любую машину починить, в короткий срок мог походную рацию установить, чтобы боевые донесения срочно передать в штаб. И еще все вместе они научились метко стрелять и быстро бегать, прыгать с парашютом и управлять мотоциклом. За примерную службу командование каждому выдало похвальную грамоту и наградило значком «Отличник Советской Армии».

Подоспел срок окончания воинской службы. Ждут родители своих сыновей, но нет их и нет. Что случилось? Попросились три друга на строительство главной магистрали века — на БАМ. Весь взвод поехал вместе с ними.

Бывшие солдаты прибыли на строительство в десантной форме — голубых беретах и зеленых кителях. И назвали они свой отряд «Таежный десант». Смотрели на них строители и радовались: десантники — народ надежный!

Прокладывали они трассу для железной дороги. Приблизились к буйной и широкой реке. А тут наступала весна, лед подтаял и, кто знает, мог не выдержать тяжелые грузовики. Надо переправляться на другой берег, но рискованно: моста-то нет. Ребята знали: ждать до будущего года, когда снова замерзнет река,— значит не построить дорогу вовремя. И решили десантники попробовать проскочить через реку на машинах. Ночью, когда мороз крепче.

— Хорошо бы все-таки лед укрепить,— предложил Булат.

— И верно,— согласился Павел.— Надо на льду соорудить деревянную дорогу.

А Кондрат придумал и объяснил строителям, как ее лучше соорудить.

Нарубили в тайге веток, бросили их на лед от берега к берегу — дорожкой. Потом из проруби начерпали воду, полили уложенные на льду ветки. Один раз полили, второй полили, третий — превратилась дорога в ледовый панцирь.

Прошелся Кондрат по всему пути, успокоил товарищей: «Можно пускать машину». И сам сел в кабину грузовика. Сначала машина шла медленно, с опаской. Но на середине реки почувствовала себя смелее, прибавила скорость. И добралась до другого берега.

— Ай да Кондрат! — воскликнул Булат.— Верную дорогу придумал.

— Пора и нам в путь! — позвал всех Павел.— До рассвета вся наша автоколонна должна перебраться на другой берег.

Всю ночь рокотали-ревели на реке моторы. К утру переправилась последняя машина, и люди облегченно вздохнули. Ледовый переход был закончен. Все лето молодые строители прорубали уже на том берегу просеку в тайге. Укладывали рельсы на высокой земляной насыпи и двигались все дальше и дальше на восток, навстречу солнцу.

И наступил праздник: по рельсам, которые «Таежный десант» проложил в таежных дебрях, прошел первый поезд.

Паровоз всю дорогу гудел торжественно. В честь тех, кто строит Байкало-Амурскую магистраль.

Странички из Наташиного альбома

ПРО ДЕВЯТУЮ ПЯТИЛЕТКУ (1971—1975 гг.)

Когда говорят про девятую пятилетку, то прежде всего вспоминают Байкало-Амурскую магистраль. Весной 1974 года на строительство БАМа прибыли первые тысячи комсомольцев. За два года они построили железнодорожную линию на участке Бам — Тында, Усть-Кут — Звездный, соорудили мосты через широкие реки Лену и Амур.

В девятой пятилетке началось обновление земель Нечерноземья, а земли эти протянулись от Прибалтики до Урала, через двадцать девять областей и автономных республик. Стали в Нечерноземье прокладывать оросительные каналы, вносить удобрения в почву, осушать землю от болот, осваивать новейшую сельскохозяйственную технику.

В девятой пятилетке было введено в строй две тысячи крупнейших предприятий. Что ни день — принимай, Родина, два, а то и три новых завода!

На берегу Камы в Татарии вырос многоэтажный белый город — Набережные Челны, а рядом с ним — шесть огромнейших корпусов Камского автозавода. Через каждые несколько минут с заводского конвейера сходит новенький автомобиль с маркой «КамАЗ».

Заработали на полную мощность турбины Красноярской ГЭС. Каждая из этих турбин по своей мощности равна Днепрогэсу, построенному в первой пятилетке.

Кажется, еще совсем недавно люди считали, что пассажирского самолета лучше, чем «Ту-104», быть не может. А теперь вот появился сверхзвуковой лайнер «Ту-144», который по своей скорости и удобствам для пассажиров превзошел все прежние самолеты.

Страна узнала множество имен новых героев, героев девятой пятилетки.

Николай Злобин, Герой Социалистического Труда. Его бригада по новому методу построила в Зеленограде целый район первоклассных высотных жилых зданий. По всему Советскому Союзу распространился знаменитый «злобинский метод».

Турсуной Ахунова, Герой Социалистического Труда. Она первой среди узбекских женщин села за штурвал хлопкоуборочной машины и возглавила соревнование хлопкоробов. Более ста тысяч молодых механизаторов последовало за ней — их стали называть «ахуновцами».

Каких только карт не доводилось мне видеть в жизни! Но такой карты, какую принесла мне из школы Наташа, я никогда не встречал. Я даже не знаю, как ее назвать.

Чего только на ней не нарисовано!

Караваны верблюдов важно шествуют мимо стальных мачт высоковольтных линий электропередачи, нефтяные вышки соседствуют рядом с белыми медведями, там, где щиплют травку коровы, светит солнце с желтыми острыми лучами.

— Эту карту,— объяснила Наташа,— нарисовали мои октябрята. Это карта десятой пятилетки. Вышка нарисована — значит, там нефть обнаружили. Факел горит — газ добыли. Автомобиль — новый автозавод вырос. Желтое солнце — атомная электростанция работает. Вот так!

— А зачем нарисовали такую огромную звезду над белыми медведями? Это, что ли, Полярная звезда?

— Скажешь тоже! Такую звезду мы зажжем на самой «макушке земли» — на Северном полюсе. Это будет десятая звездочка на нашей карте — в честь атомного ледокола «Арктика»! В десятой пятилетке он первым в мире проник сквозь льды к Северному полюсу, открыл новый путь кораблям в Арктике.

Новые жилые дома в Тынде.

КамАЗы на трассе.

Атомоход «Арктика» в Северном Ледовитом океане.

— Рядом со звездой я вижу розовато-голубые лучики?..

— И не лучики это вовсе. Это лепестки цветка иван-чая. Нарисовал этот цветок на карте октябренок Сима Зайцев. Его дядя путешествовал на ледоколе «Арктика» и привез с Северного полюса такой цветок.

— Цветы на Северном полюсе?— удивился я.— Ты, наверное, что-то путаешь...

— Ничего я не путаю...

И Наташа рассказала мне про то, что узнала от Симы Зайцева и от его дяди.

Рассказ о ледовом рейсе к «макушке земли» и про цветы на льдине

Отправляясь на ледоколе в дальний рейс, инженер-полярник Борис Зайцев непременно брал с собой что-то такое, чего не найдешь во льдах и что напоминало бы о родном доме. Ветку красной рябины, пучок осенних кленовых листьев... Как-то новичок-матрос увидел у Бориса в руках ветку вербы, усыпанную пушистыми шариками, и посмеялся: «Девчачьи нежности». Слова эти услышал капитан ледокола Юрий Семенович Кучиев. Косо глянул он на новичка и очень серьезно сказал:

— Напрасно смеетесь. Без красоты в суровой Арктике сиротливо.

И капитан рассказал про двух знаменитых полярников, один из которых, Баренц, в самое лютое время на зимовке играл на флейте, а другой, Нансен, среди полярного безмолвия любил вспоминать весеннюю, в белом наряде яблоню в саду.

А позже капитан Кучиев и Борис Зайцев получили приглашение отправиться в рейс на только что построенном в Ленинграде атомоходе «Арктика». Участники экспедиции должны были водрузить советский флаг на Северном полюсе. Их было ни много, ни мало ровно 207 человек. Такого массового «нашествия» на Северный полюс история еще не знала.

Когда пришла пора отправляться в путь, капитан Кучиев принес к себе в каюту древко флага с корабля капитана Седова, того самого капитана Седова, который, смертельно больной, с двумя матросами пробирался к Северному полюсу, мечтая водрузить там флаг своей Родины. Капитан Седов погиб в пути, но древко флага много-много лет спустя нашли советские зимовщики, и вот теперь нашим полярникам предстояло исполнить мечту капитана Седова.

Борис Зайцев появился на борту атомохода с цветами. Увидев в руке у Бориса цветы, капитан широко улыбнулся:

— Иван-чай?! Придется ледоколу прибавить скорости, чтобы цветы до полюса не увяли...

Из Мурманского порта «Арктика» через Коль-

ский залив вышла в открытое море. Чем ближе был полюс, тем труднее приходилось ледоколу. Он прокладывал путь сквозь сплошное ледяное поле, в густом, как молоко, тумане. И вдруг корабль накрепко заклинило в тяжелых льдинах. И показалось, не выбраться из этих страшных объятий. Капитан приказал откачать воду из огромных баков-цистерн. Сначала из той, что стояла в кормовой части корабля, потом из той, что в носовой части. И корабль накренялся то в одну, то в другую сторону, раскачивался, расталкивая лед, пробивал себе дорогу.

Капитан Кучиев уверенно вел корабль по ледяной тверди, пугающей своей толщиной — в три, а то и в четыре метра. И вот 17 августа 1977 года в четыре часа утра ледокол достиг Северного полюса. Все участники плавания спустились по трапу на лед. И капитан спросил Бориса Зайцева:

— Цветы где? Надеюсь, не увяли?..

Над заснеженной равниной подняли флаг нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик.

Капитан Кучиев встал под красным стягом, трепетавшим на ветру, и поднес к флагштоку старое древко флага лейтенанта Георгия Седова.

Полярное небо озарилось радужной вспышкой ракет. Прогремели винтовочные залпы — салютовали моряки.

Борис Зайцев положил на лед возле древка флага цветы.

Все вокруг замерли в молчании. Каждый в эту минуту думал о мужестве полярников, которые, как Седов, погибли на пути к Северному полюсу.

Прозвучал прощальный гудок.

Атомоход «Арктика» двинулся в обратный рейс.

Борис Зайцев стоял на верхней палубе и смотрел в морской бинокль. Он отчетливо различал на белом снегу синенький букетик иван-чая. Две веточки из этого букета Борис сохранил на память о полярном плавании.

Странички из Наташиного альбома

ПРО ДЕСЯТУЮ ПЯТИЛЕТКУ (1976—1980 гг.)

Октябрята рисовали карту десятой пятилетки. Условными знаками обозначали они все то, что построено. Однако новостроек оказалось так много, что все разместить на карте октябрята не сумели.

Ребята обозначили на карте стройку века — Байкало-Амурскую магистраль, гигантский КамАЗ, новые нефтяные вышки Западной Сибири, рудники Курской магнитной аномалии, Усть-Илимский лесопромышленный комбинат, Оскольский электрометаллургический комбинат, Волго-Донской завод-гигант «Атоммаш». Все эти стройки были ударными комсомольскими. Туда отправилось работать более ста тысяч молодых добровольцев.

За последние пятнадцать лет построено около четырехсот новых городов.

Год от года, от пятилетки к пятилетке множилось число участников социалистического соревнования. И вот миллионы людей, крупнейшие заводские коллективы — в несколько тысяч человек! — и целые города стали соревноваться друг с другом.

«Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны» — так записано в новой Конституции СССР, которая была принята в десятой пятилетке — 7 октября 1977 года.

Этот день стал у нас в стране всенародным праздником.

* * *

Я открыл дверь в октябрятскую комнату и ахнул:

— Вот это да! Кто бы мог подумать...

— Я так и знала, тебе понравится,— сказала Наташа.— Настоящий музей!

Множество красочных плакатов и афиш украшало комнату. На карте, о которой вы уже знаете, гордо горели алые звезды. На специальных стендах-столах красовались папки с надписями: «Первая пятилетка», «Вторая пятилетка», «Третья пятилетка».

Под стеклом — значки и марки, письма и грамоты, комсомольские путевки и пригласительные билеты, памятные медали и хлебные карточки военных лет, фронтовые солдатские письма-треугольники.

На одном из столов я увидел знакомый мне старый лапоть кузнеца Бусыгина и алый флажок Петруши-Дважды Днепрострой. В ящиках хранились пухлые семейные альбомы со снимками, старые журналы и газеты. Тут же лежал и голубой Наташин альбом.

— Дощечку на двери вашей комнаты надо бы сменить,— посоветовал я Наташе.— Написать: «Музей пятилеток». Это вернее!

— Сегодня мы проводим сбор нашего октябрятского отряда,— сказала Наташа.— Видишь, пришли не только ребята, но и родители.

— Ушли в прошлое давние годы,— торжественно начал свою речь Митя Востриков,— а дедушкин город остался...

Потом выходили к карте и другие октябрята. Рассказывали про то, какие пятилетки были и какие люди в них жили. Загорались все новые и новые звездочки на карте.

Взрослые со вниманием слушали ребят и мыслями уносились далеко-далеко в прожитые годы, в свои пятилетки.

— Да, это верно,— думали взрослые.— Годы уходят. Но не совсем. Они превратились в пятилетки. А пятилетки никуда не уходят. Все они, как город Комсомольск-на-Амуре, остаются на земле и украшают нашу жизнь.

Пятилетки, как ступеньки, ведут нас вперед в светлый коммунистический день.

КОНЕЦ.

КНИЖКА, ОТЗОВИСЬ!

На уроке русского языка учитель посоветовал тебе прочесть книгу ученого Дитмара Эльяшевича Розенталя «А как лучше сказать?». Ты не против — кому не хочется научиться правильно и красиво говорить? А тут еще на перемене подбежал твой друг и сказал: «Я такую книгу в воскресенье прочел — «Посмотри на эту звезду» называется. Крапивин написал».

И вот после школы твой путь — в библиотеку. Как разыскать необходимые книги? Перед тобой бесконечные ряды самых разных книг — недаром так говорят: «книжное море»!

Но человеку сведущему, знающему законы, по которым располагаются книги на полках, нетрудно найти нужные ему книги быстро и без хлопот.

Сначала ознакомься с плакатом, на котором рассказано: где расположены художественные произведения, а где — научно-познавательные. На полках ты найдешь разделители с цифровым знаком — индексом, которые помогут тебе найти раздел, в котором находится твоя книга. Разделов таких много: природоведение, история, искусство...

Ты нашел книгу В. Крапивина. Но прежде, чем решить, брать ее или нет, обязательно внимательно посмотри ее. В начале каждой книги есть аннотация — краткое содержание. А более подробно о книге ты узнаешь из предисловия или послесловия. В предисловии к книге В. Крапивина, например, рассказывается о предыдущих повестях, о его морском юнкоровском отряде «Каравелла».

А книги Розенталя, нужной тебе, на месте нет. Как узнать — есть ли она вообще в библиотеке? Поможет тебе каталог.

Каталог — слово греческое, оно означает перечень, опись. Сведения о каждой книге записаны на карточки: фамилия и инициалы автора, заглавие и подзаголовок. Каталог расскажет, в каком году и где издавалась книга. Если в Москве или Ленинграде — пишется М. или Л., если в областном центре или столице республики, то название города пишется полностью: Свердловск, Кишинев, Минск...

Далее идет издательство: «Дет. лит.» — «Детская литература», «Молодая гвардия» или «Просвещение». Указывается на карточке и количество страниц.

Ты нашел карточку с названием книги Д. Э. Розенталя «А как лучше сказать?». Как теперь найти саму книгу? В левом верхнем углу карточки — условное обозначение места книги на полке, так называемый шифр. Такой же шифр и на самой книге. Все карточки подобраны в определенном порядке в систематическом каталоге. Он подскажет тебе, какие еще есть книги по русскому языку, что ты можешь прочитать о растениях и животных...

А если тебя заинтересует книга Владислава Крапивина и ты захочешь узнать, какие еще книги этого автора есть в библиотеке,— обратись к алфавитно-предметному указателю.

Ориентироваться в библиотеке вовсе не трудно. Но этому нужно обязательно научиться. Это умение пригодится тебе на всю жизнь.

О. И. ЛЕВИНА,
кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Рисунок О. БОГОЛЮБОВОЙ.

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

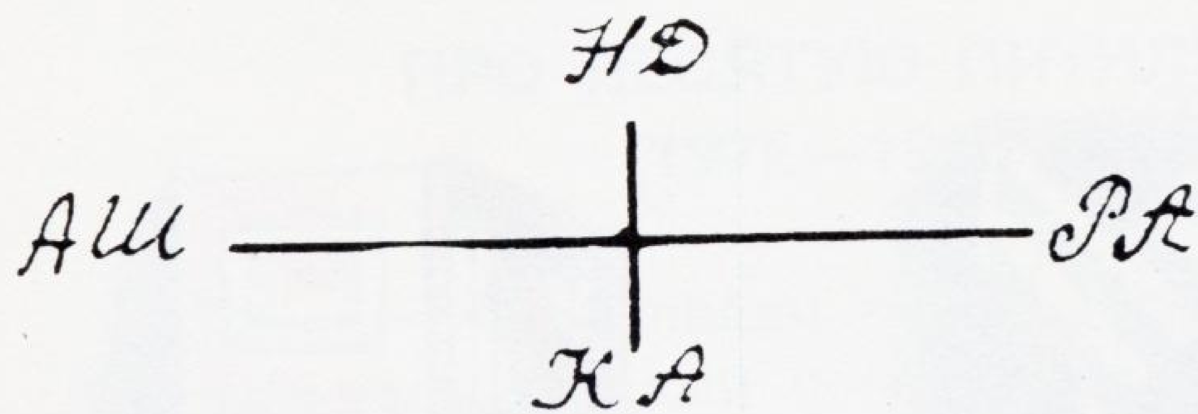
Капитан Перо ищет помощника

Какого цвета Нд?

За круглым столом в штабе карандашей происходит совещание четырех разведчиков. Председательствует Ка, он зеленого цвета. Кроме зеленого карандаша, в совещании участвуют красный, синий и желтый. Ка сидит слева от Ра, Нд — справа от красного карандаша. Аш (он сидит напротив Ра) — не синего цвета. Узнайте, какого цвета карандаш Нд?

Для решения вдумчиво заполните таблицу. Вот она:

	Зелёный	Красный	Синий	Жёлтый
Ка	да			
Ра	нет			
Нд	нет			
Аш	нет			

Живжика загадывает загадку

Рассеянный гномик

Гномик Фит, когда гуляет,
Вечно что-нибудь теряет!
Или книжку, или фляжку,
Или зонтик, или пряжку,
Или ключ, или платок,
Или шляпу-котелок,
Или плащ, или рюкзак,
Или стоптанный башмак.
Что сегодня ищет Фит,
На виду у всех лежит!
Сообщите, что же это?
С нетерпеньем жду ответа.

Живжика.

СОБЕРИ МАСКУ!

Наша коллекция пополнилась новыми марками африканских стран: Алжира, Берега Слоновой Кости, Верхней Вольты, Ганы, Гвинеи, Гвинеи-Бисау, Бенина, Камеруна, Либерии, Мавритании, Ливии, Нигера, Нигерии, Центрально-Африканской Республики, Того, Судана, Сенегала, Сьерра-Леоне, Республики Чад и Эфиопии.

Из этих марок можно сложить такую маску, какую вы видите на рисунке.

Запомните: рядом могут быть только марки граничащих между собой стран!

Г — марка Гвинеи-Бисау.

Э — марка Эфиопии.

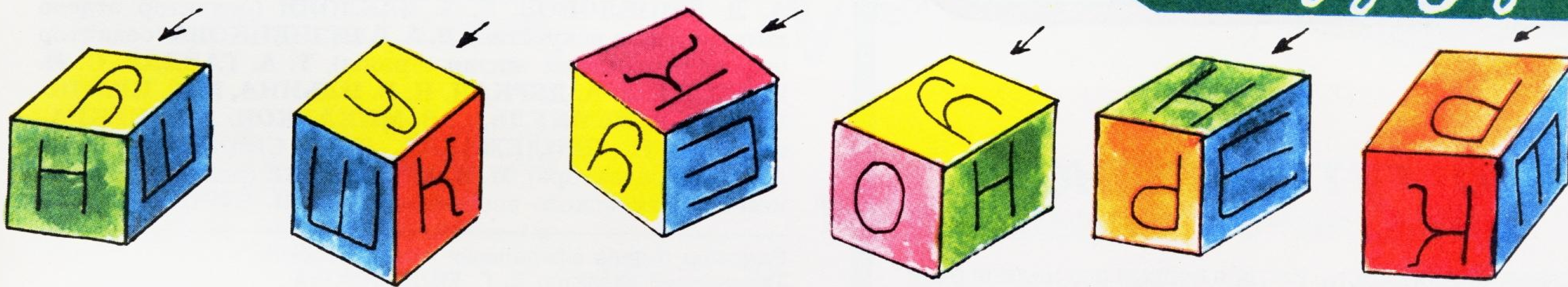
Не надейся на подсказку,
Не робей! Подумав, сам
Сложишь ты такую маску
И в подарок вышлешь нам!

Лупа и Пинцет.

Примечание: в ответе достаточно нарисовать маску и указать страны. Желаем успеха.

УЧИТЕСЬ ВИДЕТЬ НАСКВОЗЬ!

Игры деда Буквоеда

На слона коза в обиде.
Утверждает мудрый слон:
— Кто насквозь умеет видеть,
Тот действительно умен!
Но ко всей своей досаде,
Как ни пялила глаза,
Буквы, спрятанные сзади,
Не увидела коза!

Кто из вас умнее будет?
Труден только первый шаг.
Здесь один и тот же кубик,
Но повернут так и сяк!

Дед Буквоед.

Примечание: из скрытых букв должно сложиться слово. А какое? Сообщите мне в ответе.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 1

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Кря-кря-кря! Ответ: прялка, моряк, тряпка, пряжа, пряник, зарядка, кастрюля.

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

Сколько палаток? В разграфленном пятиугольнике 35 треугольников.

Дед Буквоед благодарит всех ребят за присланные ответы.

САМИ О СЕБЕ

Совсем несложно

Мои родители свободно говорят по-русски. Они хотят, чтобы я тоже знала этот язык. В шесть лет я пошла в нулевой класс русской средней школы.

Первые месяцы мне было очень трудно. Я не представляла, как можно выучить такой сложный язык. Просто лес дремучий. Весь год я получала четверки, порой и тройки. Но мне помогали родители и учительница — Нина Дмитриевна Чащукина. Постепенно непривычные звуки и чужая грамматика становились для меня понятны. И язык оказался легким, красивым, поющим. Как мне стало интересно его учить! Ко всем я обращалась только по-русски. И требовала ответа на этом же языке.

Я чувствовала себя на седьмом небе от счастья, когда меня понимали и не высмеивали мои неуклюжие предложения.

Со второго класса я получаю только пятерки. Всей душой благодарна родителям за то, что они открыли мне богатства русского языка.

Нана СААКОВА,
г. Телави, Грузинская ССР.

Что тут смешного?

У меня близорукость. Когда я первый раз надела очки в классе, все так на меня смотрели, будто я не обыкновенная девочка, а в клеточку или полосочку. Один урок я высидела. На перемене была без очков. Начался второй. Тут мальчишки уже стали смеяться мне в лицо: «Ха-ха-ха! Ну и профессор кислых щей!»

С того дня я не ношу очки в школе, хотя девочки меня успокаивали, говорили, что очки мне идут.

О. К.,
г. Пушкино, Московская область.

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 01.12.80.
Подписано к печати 19.12.80. А 06732. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 720 000 экз. Изд. № 215. Заказ № 3437.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137. ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Расскажи нам об Африке...

Ученица. В Африке водится много зверей, рек и озер.

Наташа Сошнина,
г. Куйбышев.

НА УРОКАХ ЗООЛОГИИ

Учитель. Каких ты знаешь млекопитающих?

Ученица. Тараканов.

Рамиль Ильязов,
г. Казань.

* * *

Учитель. Как называют детенышей рыбы?

Ученик. Рыбятами.

Рая Толоконникова,
Ростовская область.

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель. Подберите однокоренные слова к слову «кожа».

Ученик. Кожаный портфель, чемодан...

Люба Чащина,
г. Рязань.

* * *

Учитель. Оля, составь несколько предложений на тему «Театр».

Оля. В зале смеркалось. Не спалось.

Лена Карпова,
г. Пенза.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель. Где жили первобытные люди?

Ученик. Первобытные люди жили в пещерах, где был теплый климат.

Оля Братухина,
г. Санчурск.

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЕ

Учитель. Что такое барельеф?

Ученица. Барельеф — это произведение, в котором искусство выступает только наполовину.

Яна Частоколенко,
г. Томск.

НА УРОКЕ БОТАНИКИ

Учитель. Почему цветы тянутся к солнцу?

Ученик. Потому что летом все хотят получше загореть.

Игорь Бурзаковский,
г. Белгород-Днестровский.

Из школьных сочинений

«Когда заяц увидел все это, у него волосы на голове встали дыбом».

«Девочка, вцепившись в телегу, скакала вместе с лошадью».

«Ваня стоял с опущенными червяками».

«За ним последовали дамы в масках и поднос с лакеем».

«Из-за ограды показался взъерошенный, но непобежденный петух».

«Он сел на коня и поехал пешком».

«Охотник жил в избушке по имени Кузьма».

«Из-за куста выглянула собака и съела завтрак».

«Доктор Власенков привил Тане любовь к микробам».

За серьезное и несерьезное поведение взрослых и детей на «Переменке» отвечает Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

УВЛЕЧЕННЫЙ — ПИОНЕР НАВСЕГДА

Музыка Н. ПЕСКОВА.

Слова М. САДОВСКОГО.

Сто занятий, сто профессий
Открывает время нам,
Выбирай себе, ровесник,
По душе дорогу сам.
Знаем, быть почетно очень
Космонавтом и певцом,
Агрономом и рабочим,
Моряком и продавцом.

Припев: Нам приветно,
Нам приветно улыбнется
Путеводная звезда,
Увлеченный,
Увлеченный остается
Пионером навсегда! *2 раза*

Нас пускай проверят в деле
Цех горячий и страда,
Если даже похудели,
Это тоже не беда!
Интересно нам и важно
Все попробовать самим,
Чтоб кораблик наш бумажный
Стал фрегатом боевым!

Припев.

Не по парковой аллее
В жизни мы идти хотим,
За товарищей болеем,
Над ошибками грустим.
Мы в мечту и дружбу верим,
В завтра радостно глядим,
Потому мы пионеры,
Что шагаем впереди!

Припев.

ИЗ КОМПОЗИЦИИ «МЫ НАЧИНАЕМ ЮНОСТИ ПОЛЕТ»

Подвижно Взволнованно

ISSN 0130—8009

Цена 25 коп. Индекс 70694.